

Тимур Федорович Дмитричев
Курьезы холодной войны. Записки дипломата
Серия «Гриф секретности снят»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5975791

Т.Ф. Дмитричев. Курьезы холодной войны. Записки дипломата: Вече; Москва; 2012

ISBN 978-5-9533-6034-0

Аннотация

Ко времени начала рассказываемых в данной книге событий ее автор уже в течение трех с лишним лет, а точнее с марта 1963 года, работал в качестве сотрудника международного Секретариата Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. За эти годы ему в этом качестве удалось немало поехать не только по США, но и побывать в целом ряде стран Европы и Латинской Америки. С кем только не сталкивала судьба дипломата! Че Гевара и Сулов, Юрий Нагибин и Генри Киссинджер, Андрей Миронов и Косыгин, Нельсон Мандела и Александр Галич... Словно в калейдоскопе сменяли друг друга города и страны, политики и поэты, магнаты и актеры. И на этом фоне творилась «большая политика», которая, оказывается, тоже не чужда курьезов и неожиданностей.

Содержание

Часть первая	4
Билеты у племянника Сергея Рахманинова	6
Мексиканский дебют	8
Небезопасные приключения в Колумбии	11
Моё увлекательное знакомство со страной инков	20
В стране «на краю земли»	25
Остановка в Парагвае	31
Захватывающая Бразилия	33
Разговор с президентом – военным диктатором	41
В государстве «Маленькая Венеция»	45
Снова в Бразилии, но с задержанием	48
«Страна серебряная»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Т.Ф. Дмитричев

Курьезы холодной войны.

Записки дипломата

Часть первая

Необыкновенное путешествие по Южной Америке

Ко времени начала рассказываемых ниже событий я уже в течение трех с лишним лет, а точнее с марта 1963 года, работал в качестве сотрудника международного Секретариата Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. За эти годы мне в этом качестве уже удалось немало поездить по Соединенным Штатам Америки и побывать в целом ряде стран Западной Европы.

Новый, 1966 год готовил для меня совершенно невероятный подарок – моё первое, довольно длительное и романтически страшно увлекательное путешествие в Мексику и страны Южной Америки. В те времена строгого советского режима подобное могло скорее присниться, нежели состояться в реальной жизни.

Для меня лично желание побывать в Латинской Америке было заветной мечтой ещё со времени моих школьных лет. Первое знакомство с музыкой этих стран, услышанной вначале в кустарных записях на рентгеновских снимках, а впоследствии на пластинках и магнитофоне, ещё больше подхлестнуло моё стремление побывать в тех далёких и для меня удивительно романтических краях на другом конце света. Отсюда же проистекала и моя внутренняя тяга к самостоятельному изучению их открытий, истории, географии и литературы, что в те времена в советских условиях было довольно непростым делом, ввиду недоступности материалов или их скудного содержания. Эти же причины побудили меня и к самостоятельному изучению сначала испанского, а затем и португальского языков, которые меня привлекали не только своей экзотической красотой, но и как средство возможного общения с людьми из этих стран и их более глубокого понимания. Маленьким окошком в мир жизни этих стран были редкие фильмы из Аргентины и Мексики в наших кинотеатрах, а также в Испанском клубе Москвы на улице Правды (Клуб им. Чкалова, где потом разместилось казино), куда интересовавшиеся студенты нашего факультета могли иметь доступ по рекомендации наших преподавателей – испанских эмигрантов.

В немалой мере целый год работы на Кубе существенно приблизил меня к осуществлению моего давнего и заветного желания побывать в нескольких странах Латинской Америки и их лучше узнать. Да, Куба стала для меня важным шагом на этом пути, но только первым шагом. Впереди ещё было более 20 неизведанных мной и манящих своей романтической таинственностью стран Центральной и Южной Америки, но они казались для меня недоступными. Даже ООН почти не проводила там каких-либо международных конференций. Но вот в 1966 году Бразилия вдруг сломала это бездействие, пригласив Организацию провести одну из её конференций в своей новой столице – Бразилиа. Ещё более интересным для меня оказалось то, что благодаря моим знаниям испанского и португальского руководитель нашей службы назначил меня в эту командировку вместе с Марией Николаевной Джейквит. Радости моей не было предела.

Получив назначение в командировку в Бразилию, я сразу же решил изучить возможность использовать такой уникальный шанс, чтобы за счёт части отпуска и на собственные деньги побывать и в других латиноамериканских странах. Приступив к выбору маршрута, я сначала определил те страны, которые меня привлекали в первую очередь. Затем я про-

вёл беседы и консультации с целым рядом моих латиноамериканских коллег, давших мне не только много ценных советов, но и адреса и телефоны своих родственников, друзей или знакомых в своих странах, которым они хотели передать свои посылки.

Вооружённый всей этой полезной информацией, я разработал свой длинный маршрут: Мексика, Панама, Колумбия, Перу, Чили, Парагвай, Бразилия и Венесуэла! Вместе с самой трёхнедельной командировкой в Бразилиа это путешествие должно было занять полтора месяца! Получив сначала согласие на такую удлинённую поездку со стороны моего руководителя в ООН, я отправился в бюро путешествий Кука, отделение которого, размещавшееся прямо в здании Секретариата, занималось обслуживанием сотрудников Организации.

Билеты у племянника Сергея Рахманинова

Заведующим этим отделением уже многие годы состоял Сергей Сергеевич Зилотти – племянник композитора Сергея Рахманинова и внук крупнейшего русского музыканта начала XX века Александра Зилотти, который был одновременно и устроителем популярных музыкальных концертов, получивших название «сезонов Зилотти». Надо сказать, что моё знакомство с Сергеем Сергеевичем произошло довольно случайно. Как и почти все другие руководители отделов и подразделений в здании Секретариата, на рождественские праздники он тоже устраивал приём для своих сотрудников, на который всегда непременно приглашались гости из числа работников Секретариата – клиентов его бюро.

На первый же такой приём после моего поступления на работу в ООН получил приглашение и я, видимо, в качестве нового клиента. Согласно местной традиции при входе в зал приёма гостей всегда встречает его устроитель. Когда при входе я представился хозяину торжества по-английски, назвав свои имя и фамилию, а Сергей Сергеевич ответил мне по-русски, я не преминул спросить его о его возможном родстве с нашим известным музыкантом. Зилотти подтвердил, что он его внук, и выразил большое удивление, что в Советском Союзе ещё помнят его знаменитого деда. Поскольку наш разговор создал некоторое скопление подходящих гостей перед входом, Сергей Сергеевич извинился за перерыв в беседе и обещал найти меня в зале приёма несколько позже. В ходе вечера нам удалось поговорить с Зилотти более подробно о нём самом и его знаменитых родственниках.

Мы с ним стали добрыми знакомыми, и всякий раз, когда я приходил в его отдел по поводу поездок в отпуск или в командировки, Сергей Сергеевич всегда поручал оформление моих билетов своему самому опытному сотруднику, а при прощании неизменно давал мне каждый раз новую сумку какой-либо авиакомпании. На его приёмах я стал завсегдатаем, что давало нам с ним возможность продолжать наши интересные беседы. В 1973 году в СССР торжественно отмечалось столетие рождения Сергея Васильевича Рахманинова. Сестра Рахманинова – мать Сергея Сергеевича и он сам были приглашены на участие в этих торжествах в Москву и Ленинград, но из-за плохого состояния здоровья более чем 90 летней Рахманиновой-Зилотти они поехать в Советский Союз не смогли.

Уже немало лет спустя после этого события наш писатель Юрий Нагибин, с которым мы вместе летели из Москвы в США, в ходе разговора сказал, что он работает над сценарием фильма о Рахманинове и во время пребывания в Америке хотел бы разыскать его родственников. Когда я сказал ему, что был знаком с его племянником, находившимся к тому времени уже несколько лет на пенсии где-то под Нью-Йорком, Нагибин загорелся желанием с ним встретиться и попросил меня устроить это дело. Пообещав попробовать договориться о такой встрече, я дал Нагибину свой телефон, чтобы он смог позвонить мне через несколько дней с рассказом о результатах моей попытки, так как сам Нагибин с женой Аллой после пересадки в Нью-Йорке летел в Калифорнию и своих координат там не знал. Разыскать Зилотти и уговорить его на встречу с Нагибиным мне удалось, но сам Нагибин так и не объявился...

Как случилось и раньше, встретивший меня и на этот раз в своём бюро Сергей Сергеевич Зилотти, узнав о моем сложном маршруте, поручил его проработку своему ведущему сотруднику и попросил меня прийти за результатами на следующий день. Когда я появился в бюро Зилотти снова, все полёты, перелёты и гостиницы были предварительно определены и состыкованы почти полностью в соответствии с моими пожеланиями. Дополнительная стоимость моих основных путевых расходов на поездку составляла примерно сумму моей месячной зарплаты. Эта цифра была для нас довольно внушительной, и я решил сначала обсудить дело с Наташей. Она, зная, как много значила для меня эта поездка, настойчиво

уговаривала меня не жалеть на неё денег. Теперь предстояло получить разрешение на это из ряда вон выходящее путешествие от нашего представительства при ООН.

Как полагалось по заведённому для нас порядку в подобных случаях, я подал своё заявление о командировке, указав весь запланированный маршрут, курировавшему наше подразделение Секретариата ООН заместителю постоянного представителя Евгению Николаевичу Макееву. К этому времени Евгений Николаевич меня уже неплохо знал и при случайных встречах всегда доброжелательно интересовался моими делами. Поскольку, когда я пришёл, чтобы оставить своё заявление для его решения, к нему в канцелярию, он оказался на месте, его помощник предложил мне зайти с заявлением самому. Прочитав заявление, Евгений Николаевич без всяких дополнительных вопросов сразу подписал его и, передавая мне назад бумагу, участливо и как-то по-отечески сказал: «Вы там будьте поосторожнее. С целым рядом из этих стран у нас нет ни дипломатических, ни других отношений. Да, маршрут у вас интересный. Желаю приятного путешествия».

Поблагодарив Евгения Николаевича, я словно на крыльях помчался в отдел кадров Представительства и, оставив там своё подписанное руководством заявление, полетел в Секретариат, где сразу направился к Зилотти для окончательного оформления своей заветной поездки. Через пару недель, попрощавшись с Наташей и Андреем, которых я оставил в нашем любимом Рай-Биче на берегу океанского залива в окружении наших друзей и соседей по даче, я уже находился на пути в Мексику. Всё своё длительное путешествие мне предстояло совершить совсем одному, что во многих отношениях делало его менее удобным и даже более дорогостоящим. Но поскольку я при этом погружался в совершенно новый и столь интересный для меня мир, отсутствие компании меня не очень тяготило, тем более что во время поездки в разных странах возникали новые знакомые и попутчики.

Мексиканский дебют

Мексика... Мехико (México) – в испанском произношении. Это название происходит от имени бога войны ацтеков Мекситли, который согласно легенде привёл их племена на берега озера Теночтитлан, где они основали в его честь город Мехикко Теночтитлан. Оно постепенно заменило первоначальное название «Новая Испания», которое было дано этой территории, завоевавшим её бесстрашным конкистадором Эрнандо Кортесом в 1519—1521 годах.

Сегодняшняя столица страны Мехико во время завоевания её испанцами находилась полностью в окружении вод озера Теночтитлан, и доступ к ней был возможен только на лодках или по проложенным к ней дамбам, что в свое время чуть не погубило всю экспедицию Кортеса. В ходе неоднократных штурмов и боёв прекрасный столичный город ацтеков, восхищавший испанских завоевателей своей необыкновенной уникальной красотой, был ими практически полностью разрушен.

Построенная испанцами на его месте новая столица постепенно опускалась в землю ввиду исчезающих вод озера и перемещалась на более твёрдые участки. В наше время когда-то большое озеро Теночтитлан, состоявшее из пяти соединённых между собой озёр, совершенно высохло, оставив небольшой экзотический рукав озера Ксочимилко в пригороде Мехико, известный своими плавающими яркими цветниками, садами и огородами. В некоторых районах этой столицы можно видеть целые крупные здания, уже серьёзно ушедшие в грунт, как, например, Музей изящных искусств с муралами и картинами Диего Риверы, Альфредо Сикейроса и Ороско.

Здесь я остановился в очень уютном и чистом пансионе одной пожилой француженки, которая была хорошей знакомой моей коллеги по работе Нины Рубинштейн, настоятельно рекомендовавшей мне это место. Для хозяйки от Нины я привёз из Нью-Йорка сувенир и письмо, что содействовало её большему участию в планировании моих туристских походов и поездок. Благодаря её советам я мог гораздо лучше организовать своё время для посещения музеев и достопримечательностей города и определить, что и где в Мексике есть, чтобы избежать почти повальной для иностранцев в этой стране «мести Монтекумы» – сильных расстройств желудка, названных так по имени последнего вождя ацтеков, вероломно свергнутого испанцами.

Мексика – это, пожалуй, единственная страна Латинской Америки, где уже в то время официально высоко и с гордостью оценивались богатство и значение культуры индейцев, а также их роль в формировании страны. Об этом, например, совершенно явственно говорили и само название великолепного «Музея индейцев» и его содержание. Та же самая идея проходила в ярком и самобытном творчестве лучших и всемирно известных мексиканских художников Риверы, Сикейроса, Ороско и других. Именно им принадлежит благородная инициатива, выдвинутая ими в Барселонском манифесте ещё в начале 20-х годов ушедшего столетия – вынести искусство из камерного окружения стен музеев, куда не могли ходить бедные люди, на огромные поверхности стен домов и университетских зданий, которые могли видеть без входной платы все, кто проходили мимо них. Ознакомление с работами этих гигантов-новаторов является одной из наиболее интересных и привлекательных сторон посещения Мексики.

Другая, конечно же, представлена в удивительно богатом историческом, культурном и художественном наследии ацтеков и других индейских народов этой большой и разнообразной страны. Помимо посещения ряда музеев по этой тематике в столице мне удалось съездить также на очень впечатляющие пирамиды Солнца и Луны. Трудно не восхищаться

тем высоким уровнем развития цивилизации, которого достигли ацтеки и другие народы, населявшие территорию сегодняшней Мексики до прихода их испанских завоевателей.

Опять-таки в отличие от других латиноамериканских стран, где испанское завоевание и господство воспеваются в памятниках, названиях и истории, в Мексике проявляется определённое неприятие колониального прошлого. Очень любопытно и показательно в этом смысле отношение мексиканцев к завоевателю страны Эрнану Кортесу.

Поразительно, например, что среди всевозможных памятников прошлого в Мексике нигде не существует какого-либо памятника этому блестящему испанскому конкистадору. Нигде на всей довольно крупной по площади территории Мексики нет ни одного города, ни одной деревни и даже ни одной улицы с именем Кортеса. В самой столице лишь в начале 60-х годов прошлого века и только с тыловой стороны больницы «Хесус Назарено», основанной Кортесом, была открыта скромная мемориальная доска, но только чтобы обозначить место первой встречи конкистадора с императором ацтеков Монтесумой, когда он во всём своём царском великолепии и величии был вынесен из своего дворца на носилках навстречу подходявшему по дамбе озера Текскоко отряду испанцев. Даже останки Кортеса испытали необычную судьбу. Их неоднократно перемещали ещё во время колониального периода, а после становления независимости их тайно, под покровом ночи, пришлось снова переместить и безымянно замуровать глубоко в стене церкви Сан-Франциско столицы, чтобы спасти от возможного глумления над ними со стороны патриотов, угрожавших это сделать. До 1946 года место их захоронения оставалось засекреченным, но даже сегодня о нём в Мексике почти никому не известно.

В Мексике сохранилось немало старых церквей и соборов, в том числе от колониального периода, которые продолжают привлекать туристов. С большим интересом я побывал в Музее мексиканской революции, посмотрел и такие достопримечательности как замок Чапултепек, Тлателолко и плавающие цветники и сады Ксочимилко. Проявляя немалую осторожность и следуя совету моей хозяйки, я нашёл «надёжные» ресторанчики, где без последствий для желудка попробовал местные блюда – такос и бурритос, но мексиканская кухня оказалась мне не по вкусу. Большое наслаждение мне доставляло слушание мексиканских песен в исполнении марьячи – мужских музыкально-вокальных групп в экзотических мексиканских сомбреро и костюмах, которые поют в ресторанах, на концертах и в других местах скопления публики. Их нанимают на разные торжества, праздники и для исполнения серенад любимым девушкам и дамам.

Поскольку Мексика была моей второй испаноговорящей страной после Кубы, я мог для себя констатировать не только различие в их акцентах и наличие локализмов, но и полное несоответствие значений некоторых одинаковых слов. Вспоминаю в этой связи, как я в полный тупик поставил нескольких прохожих, а потом группу пассажиров, ожидавших городского транспорта на остановке, когда я спрашивал, на какой «guagua» я могу доехать до центра. Их удивление мне стало совершенно понятным, когда я выяснил, что это слово, означающее на Кубе автобус, в Мексике означает маленькое дитя, а автобус по-мексикански будет «camión», тогда как на Кубе это означает грузовик. Подобные языковые различия я впоследствии отмечал во всех других странах испанского языка. В некоторых случаях выпускаемые в них книги на сугубо местную тематику, как, например, известный роман «Донья Барбара» венесуэльского писателя и бывшего президента страны Ромуло Гальегоса, сопровождаются глоссарием, чтобы облегчить их понимание в других странах испанского языка. Кстати, ацтекам многие языки обязаны понятием и в разных вариантах произношения словом «шоколад» (в оригинале «chocolatl»). Это был удивительно питательный напиток, которым пользовались войска ацтеков при совершении дальних переходов, позволявший им несколько дней обходиться без других продуктов. Обнаружив ценные свойства шоколада,

испанские конкистадоры быстро ввели его в собственное потребление, затем он получил распространение в Европе, а постепенно завоевал и остальной мир.

После четырёх насыщенных дней в Мексике я должен был ехать в Панаму. Однако панамскую визу, так же как и визу в Парагвай, в Нью-Йорке мне выдать не успели, а может, и не хотели выдавать из-за моего советского гражданства. Так что в моём маршруте пришлось сделать некоторые поправки. Надо сказать, что во времена холодной войны с советским паспортом получить туристскую визу индивидуально было очень сложно, в первую очередь по политическим мотивам, не говоря уже о требованиях иметь обратный билет, заранее оплаченную гостиницу, медицинскую страховку и т.д. В случае поездок в третьи страны для советских сотрудников Секретариата ООН спасение было в паспорте, который в этих целях выдавала наша Организация. Для въезда в некоторые страны, как, например, в Голландию, Финляндию или Скандинавию, с этим паспортом виза не требовалась вообще. В большинстве же случаев и с ним виза была нужна, но за её запросом и получением в соответствующие консульства обращалась паспортная служба ООН. В самом паспорте ООН гражданство его носителя не упоминалось, так что для сотрудников Секретариата проблем с визами, как правило, не возникало.

Я вылетел в Панама-Сити, где теперь мне предстояла лишь пересадка, чтобы оттуда направляться в столицу Колумбии Боготу. В течение двухчасового ожидания другого самолёта в аэропорту столицы Панамы я мог даже походить и погулять на улице около терминала, и никто меня, к моему удивлению, не останавливал. При таком порядке охраны я мог, может быть, даже выехать в сам город без всякой визы, но вот попасть без проверки документов на самолёт, видимо, было всё-таки нельзя. В Панаме я собирался совершить поездку по каналу (около 70 км длиной) от тихоокеанского побережья до Атлантики и посмотреть столицу. И то и другое пришлось увидеть только с воздуха при посадке и взлёте...

Сам Панамский перешеек был впервые пересечён от Карибского побережья замечательным испанским исследователем этой части нового континента капитаном Васко Нуньесом де Бальбоа в 1513 году, когда он вышел через него на противоположную сторону к новым морским просторам, став, таким образом, первым европейцем, увидевшим Тихий, или, как его тогда называли, Южный, океан. Благородный Бальбоа пал жертвой зависти своих менее удачливых соперников по первой здешней испанской колонии и её завистливого и жестокого губернатора Педрариаса де Авилы, на дочери которого он должен был жениться. Желая присвоить себе славу первооткрывателя Тихого океана и покорителя этих земель, Педрариас приказал казнить своего будущего зятя под вымышленным предлогом. Имя Бальбоа сохранилось в названии денежной единицы Панамы.

В первые годы XX века, запланировав строительство канала через Панамский перешеек и желая его сохранить под собственным контролем, Соединённые Штаты силой отрезали северную часть территории Колумбии и объявили её новым государством под названием Панама по имени её самого крупного города Панама-Сити. Само слово «Панама» происходит от названия бывшей здесь уже во времена Бальбоа маленькой рыболовецкой деревни, которое на языке местного племени тупи означало «бабочки». Эти невероятных раскрасок и самых разных размеров красавицы до сих пор здесь водятся в больших количествах...

Следующим этапом моего путешествия стала Колумбия.

Небезопасные приключения в Колумбии

Рейс самолёта теперь давно исчезнувшей американской компании Брэнифф, на который я пересел в Панама-Сити, шёл из Лос-Анджелеса в Лиму с последующей посадкой в Боготе. Основную часть его пассажиров составляла большая группа американцев в тропических шлемах, рубашках и шортах, которые, как выяснилось, летели охотиться в джунглях Колумбии на притоках могучей Амазонки. Моими соседями оказались руководитель одного из крупнейших перуанских профсоюзов и его помощник, которые возвращались в Лиму с конференции в Панаме. В ходе завязавшегося разговора в ответ на их расспросы я рассказывал им о себе, а они говорили о своей работе, о положении в Перу, о рабочем и профсоюзном движении, о своих семьях и делах. Сначала они не могли поверить, что я из Советского Союза. Потом, осознав, что я говорю серьёзно, они признались, что это их первая встреча с человеком из СССР – страны, перед которой они испытывали настоящее благоговение в связи с тем, что она для них олицетворяла государство рабочих и крестьян. Ввиду одного этого факта они сразу же зачислили меня в число своих друзей, подробно расспрашивали о нашей жизни и профсоюзах, а узнав, что после Колумбии я собирался приехать в Перу, обещали меня непременно встретить и во всём посодействовать. Мы расстались с ними в Боготе как старые друзья.

Итак, я прибыл в Колумбию... Эта крупная по территории страна (она в два раза больше Франции) в северо-западной части Южной Америки унаследовала своё название в честь великого Колумба в 1819 году от более крупного региона, в который она входила. Её карибское побережье было открыто и впервые обследовано тем же замечательным рыцарем джунглей Васко Бальбоа, который первым из европейцев увидел Тихий океан, преодолев трудный Панамский перевал. Вплоть до освобождения от Испании и ещё некоторое время спустя, когда освободитель этой части континента Симон Боливар пытался объединить возникшие на месте бывшей Новой Гранады автономные регионы, судьба этой страны была тесно переплетена с будущими Венесуэлой и Эквадором...

В 1535 году Педро де Луго – аделантадо города Санта-Марта, основанного на северном побережье сегодняшней Колумбии всего за десять лет до этого, принял решение отправить в глубь континента экспедицию для обнаружения истоков могучей южноамериканской реки Магдалены, впадавшей в Карибское море недалеко от вверенного ему нового поселения. Главой экспедиции он назначил своего талантливого сотрудника Хименеса де Кесада, который весной 1536 года отправляется вверх вдоль болотистых берегов Магдалены с отрядом в количестве свыше 800 человек. В январе следующего года, преодолев огромное расстояние через тропические джунгли, постоянные нападения со стороны воинственных индейцев, мучительные болезни, голод и отроги Анд, Кесада наконец вывел своих людей на широкую и благодатную горную долину, населённую племенем чибча.

Согласно подсчётам, племя чибча тогда состояло примерно из одного миллиона индейцев. К этому времени у отважного конкистадора осталось измученных переходом 167 человек и 59 лошадей! После нескольких вооружённых схваток и одной решающей битвы между пришельцами и местными жителями вождь чибча Зипа покинул свою столицу и исчез навсегда из поля зрения испанцев. На месте этой столицы у подножия гор, где начиналась широкая плодородная долина, которую чибча называли «богота», что на их языке означало «большие уголья», Кесада основал в 1538 году новый город, который он назвал Санта-Фэ, в память о том полевом лагере, откуда испанские короли Изабелла и Фердинанд вели свою победоносную войну против Гранады – последнего мусульманского владения на полуострове в 1491—1492 годах. Таким образом, новый город обрёл название Санта-Фэ-де-Богота (ныне Богота).

Очень любопытным является тот факт, что в то самое время, когда Кесада со своим отрядом пробивался к долине Боготы вдоль русла Магдалены, к этой же цели продвигались две другие экспедиции, совершенно не зная о намерениях друг друга или о Кесаде. Одну из них вёл из далёкого Кито в Эквадоре один из сподвижников Писарро – Себастьян де Белалкасар. Другую возглавлял немец Николаус Федерманн по велению гильдии коммерсантов Аугсбурга, которым удалось получить концессию на создание колонии от императора Карла V в уплату его долгов. Федерманн двигался к Боготе по одному из притоков многоводного и мощного Ориноко из Венесуэлы. Белалкасар достиг Боготы в 1538 м, а Федерманн добрался до неё всего лишь в 1539 году. Перед лицом других претендентов Кесада отстоял свои права первооткрывателя и был впоследствии произведён императором в рыцари...

Выходя из самолёта на аэродроме Боготы, я оказался в шумной и громкой толпе американских охотников, которых при входе в здание терминала встречали их попечители из местной туристической компании. Когда мы вошли в зал со стеклянными будками паспортного контроля, я заметил, что только в одной из них находился пограничник, а другие были пустыми. Мне пришлось встать в хвост опередившей меня толпы американцев, но их очень быстро пропустили. Было очень странно теперь видеть вокруг себя совершенно пустой зал прибытия. Я подумал, что на моём рейсе, видимо, кроме меня и охотников из США, сюда никто не прилетел, а других рейсов в это время, очевидно, просто не было.

Я подошёл к окошку пограничника и подал ему свой паспорт ООН, открыв его на странице с колумбийской визой, чтобы ему не пришлось её разыскивать среди многих других, имевшихся в паспорте. По всей вероятности, моему пограничнику подобных паспортов раньше видеть не приходилось, так как он стал его рассматривать с нескрываемым любопытством. Изучив мой документ, он извинился и вышел из будки во внутренние помещения. Минут через 5—7 он вернулся в сопровождении ещё одного сотрудника и выложил передо мной несколько анкет, сказав, что мне нужно их заполнить, а затем снова подойти к его окошку.

Вернувшись в зал, я нашёл маленький столик со стулом и сел за заполнение анкет. Я закончил одну из них, в которой нужно было среди прочего указывать гражданство, место постоянного проживания и работы и т.д. Принимаясь за вторую, где нужно было сообщать о цели поездки, сроках нахождения в стране, местах посещения, адреса гостиниц, маршруты перемещения и транспорт, а также другие сведения о моём пребывании, я вновь оглядел большой зал прибытия и ещё больше удивился его полной пустоте. Помимо отсутствия пассажиров бросалось в глаза и отсутствие каких-либо работников аэропорта. Я был совершенно один в этом странно безмолвном и безлюдном помещении.

Работа по заполнению второй и, как оказалось, последней анкеты (остальные были просто дубликаты) уже была почти закончена, когда передо мной появились два колумбийца в штатской одежде. Поздоровавшись со мной, но не представляясь, они запросто сели боком на противоположные углы моего стола за отсутствием стульев и спросили, всё ли мне ясно в отношении форм. Я ответил, что я их практически подготовил, и тогда один из незнакомцев взял мою первую анкету и стал её просматривать. Через минуту была закончена и вторая, которую забрал тот же самый человек, который изучал первую, а второй начал со мной вполне корректно беседовать.

Он расспрашивал меня фактически по тем же самым вопросам, которые были в анкетах с некоторым уточнением деталей. «Итак, можно сказать, что Вы приехали к нам как турист». – попытожил ведший беседу. Услышав от меня подтверждение его вывода, он в несколько преувеличенной дружески заботливой манере стал меня отговаривать от моей затеи. По его словам, а это мне было давно самому известно, в стране уже много лет шла гражданская война, и путешествовать по ней за пределами крупных городов, где правитель-

ство не контролировало ситуацию, было просто опасно. Ко всему этому, как он пояснил далее, прибавился ещё один очень важный фактор: в связи с определёнными неожиданными событиями в Боготе с утра сегодняшнего дня введено осадное положение, все улицы центра города перекрыты войсками, проходить через них нельзя, а находиться на других улицах города можно только до наступления темноты.

Сообщение об осадном положении явилось для меня неожиданностью. «Посмотрите на этот зал, – продолжал мой собеседник. – Вы же видите, что здесь никого нет. Сегодня других самолётов принимать или отправлять аэропорт больше не будет. Ваш был последний рейс. Вы можете остановиться и переждать до открытия аэропорта в гостинице прямо недалеко от терминала. В город мы вам выходить не рекомендуем», – закончил он и вопросительно посмотрел на меня в ожидании ответа. Для собственного уточнения сложившегося положения я переспросил: «Скажите, пожалуйста, с вашей стороны это только рекомендация, но, как я понимаю, не запрет, не так ли?» Мои собеседники посмотрели друг на друга и почти одновременно подтвердили, что это их рекомендация на моё усмотрение. «Ну что же, в таком случае хочу вас поблагодарить за внимание ко мне, но поскольку я всё равно должен выходить из здания терминала, я пойду сначала получу мой чемодан, а потом подумаю и решу». Мы все трое подошли к пропускной будке, я сразу получил штамп прибытия в паспорте, и мы попрощались.

Я вышел к карусели получения багажа и увидел стоявший около неё в полном одиночестве свой чемодан. В этом помещении, кроме меня, тоже никого больше не было. На выходе в зал встречающих около уже закрытой двери возник сотрудник таможни, который, не спрашивая декларации, распахнул её передо мной и, пропустив меня, снова закрыл её. Сначала мне надо было найти отделение банка для обмена пока небольшой суммы долларов на местную валюту, которая мне понадобилась бы в любом случае, а потом я рассчитывал зайти в кафе и за чашкой вкусного местного кофе обдумать дальнейшие действия. Валютный киоск я обнаружил довольно быстро, но он оказался закрытым. Во всём широком коридоре к выходу на улицу не было ни одного человека, у которого можно было бы спросить, где ещё можно было бы поменять деньги. Отсутствие людей в таком обычно суетливом месте, как аэропорт, создавало ощущение нереальности всего происходящего.

Оказавшись на улице, я увидел прямо перед собой группу американских охотников, заканчивавших посадку в свой отдельный автобус, и я решил узнать у них, едут ли они в Боготу. Они объяснили, что едут куда-то на юг, но не в столицу. Попрощавшись, я направился к входу в зал отъезда, где надеялся найти киоск обмена денег и кафе. Все многочисленные прилавки регистрации пассажиров разных компаний пустовали. Удивительно странно было видеть всё это безлюдье, наводившее на мысль, что будто какая-то сверхъестественная сила вынесла отсюда всех людей, оставив предметы и вещи в полной сохранности.

Пройдя ещё немного вперёд, я встретил шедших мне навстречу двух сотрудников аэропорта и спросил у них, где можно было бы там обменять доллары и выпить чашку кофе. Они объяснили, что из-за осадного положения, введённого в Боготе, аэропорт был практически закрыт, но одно кафе оставалось открытым для дежурного персонала, где официант может мне обменять небольшую сумму и где я мог попить кофе. Следуя их объяснению, я нашёл дежурное кафе, в котором мне удалось поменять деньги и получить чашку очень ароматного, но страшно крепкого кофе. Поскольку я здесь оказался единственным клиентом и официант был не занят, я поинтересовался у него обстановкой в городе и возможностью выполнить мои туристические планы.

Он сказал, что центр города был действительно окружён войсками, так как там в тот день должна происходить встреча президентов андийской группы стран, в связи с чем вооружённые партизаны угрожали её сорвать своими боевыми действиями. Однако, по его словам, он, будучи рано утром около моей гостиницы «Интерконтиненталь», где у меня

ещё из Нью-Йорка был снят номер, видел, что она была за два квартала до начала линии войск и что поэтому к ней можно было подъехать по окружной, минуя отсечённый армией центр. Насколько ему было известно, пока в Боготе всё было спокойно. Он считал, что до отеля можно вполне добраться, там переночевать, а завтра после завершения президентской встречи осадное положение могут и отменить. Слова официанта мне показались вполне убедительными, и я решил направиться в Боготу.

Переложив из чемодана в авиасумку некоторые вещи, которые мне могли понадобиться, я оставил его в камере хранения-автомате и налегке вышел из здания терминала искать транспорт в столицу. Вся площадь перед терминалом была пуста, за исключением трех автобусов и разгружавшего около здания какие-то коробки небольшого фургона. Я направился к автобусам и узнал, что два из них едут не в Боготу, а третий был на дежурстве для нужд аэропорта и ехать пока никуда не собирался. На мой вопрос, как можно было бы добраться до Боготы, мне было сказано, что в той ситуации можно было рассчитывать только на появление какой-нибудь служебной машины.

Тогда мне пришла мысль переговорить с водителем фургона, и я пошёл к нему. Сначала водителя не было, но вскоре он пришёл за очередной коробкой и после некоторых колебаний согласился на мою просьбу за сносную плату в долларах. Его нужно было ещё подождать минут 15 для завершения разгрузки. Когда водитель появился из двери склада, отнеся туда последнюю коробку, с ним оказались женщина с двумя детьми и какой-то мужчина, которых он назвал своими родственниками, ожидавшими его для поездки в город. В фургоне было только одно переднее сиденье, но сзади было несколько пустых коробок, среди которых водитель рассадил детей и мужчину, а меня устроил вместе с женщиной рядом с собой. Протерев совершенно грязное ветровое стекло, через которое дорогу можно было только угадывать, водитель повёз нас в Боготу.

Неказистая асфальтовая дорога, напоминавшая мне наше тогдашнее шоссе в Шереметьево, шла в отдалённом окружении ощутимо громадных величественных Анд. В особой красоте этого несколько фантастического горного пейзажа было немало таинственного и мистического. По дороге в Боготу машины попадались совсем редко. Несмотря на присутствие нескольких встретившихся нам патрулей, нас ни разу не остановили. Мы подъезжали к первым кварталам домов города, когда водитель объявил мне, что на углу первой же улицы мне придётся сойти, так как он уже успел заметить маячившую впереди цепочку солдат, перекрывавшую проезд. Когда мы остановились, я попросил его объяснить, как пройти от того места к гостинице «Интерконтиненталь». С помощью имевшейся у меня туристской карты города мы разобрались с маршрутом и распрощались. До гостиницы идти пешком нужно было около часа.

Вскинув на плечо красную авиасумку с крупными белыми буквами TWA (очередной подарок Зилотти), я резвым шагом направился к тротуару первой начинавшейся здесь улицы Боготы. Метрах в 20 впереди меня стояла редкая цепочка солдат, протянувшаяся поперёк безлюдной улицы. Я решил с независимым видом пройти между ними дальше, стараясь на них не смотреть. К моему большому удивлению, они меня не остановили, и я смело продолжал шагать вперёд. Через несколько кварталов возникла ещё одна такая же вытянутая неровной ниткой группа солдат, и я снова смело прошёл между ними, не будучи остановлен. Такая же ситуация повторилась ещё раза три до того, как я вышел на довольно большую площадь, где сходились несколько улиц. В этом месте мне нужно было уточнить, куда идти дальше, и я с картой в руках стал разглядывать на столбах их названия. Определив дальнейший маршрут к гостинице, я сменил направление, прошёл беспрепятственно новый кордон солдат и через несколько кварталов оказался на ещё одной площади, где снова надо было уточнить дальнейший путь.

Моё многократное успешное преодоление солдатских кордонов вселило в меня растущую уверенность, что остававшуюся часть пути до гостиницы мне удастся пройти так же свободно. Поскольку около меня прохожих не было, хотя изредка они стали попадаться, и одна карта не помогала, я решил подойти к ближайшей цепочке солдат и попросить их сориентировать меня в направлении гостиницы. Подойдя к следующему кордону, я так и сделал. Двое солдат объяснили, что мне оставалось идти уже недалеко, и показали, как пройти.

После пары кварталов нужно было делать поворот, за которым я увидел небольшую группу солдат с автоматами, которые были направлены в сторону стены большого здания, где с поднятыми вверх руками стояло 6—8 человек в гражданской одежде. Пройдя мимо них, я заметил, что каждого выходявшего из подъезда дома человека солдаты тут же грубо останавливали, обыскивали и затем ставили к стене с поднятыми вверх руками. Мне хотелось поскорее уйти из этого неприятного места и, дойдя до угла здания, я решил перейти на другую сторону улицы и направился туда через очередной перекрывавший её кордон.

Но здесь меня неожиданно остановили и попросили предъявить документы. Доставая свой паспорт ООН, я сказал, что иду в гостиницу «Интерконтиненталь» и даже попросил обратившегося ко мне солдата подтвердить, правильно ли я иду. Вокруг нас тут же выросла толпа солдат и нескольких не задержанных или освобождённых после проверки прохожих. Солдат взял мой паспорт и начал его листать. Я заметил, что он держит паспорт вверх ногами, и подумал, что мне попался неграмотный, которых среди колумбийцев из бедных слоёв было немало. Дойдя до фотографии, солдат перевернул документ и стал в неё вглядываться. На виду собравшейся толпы он стал спрашивать, откуда я, зачем приехал в Колумбию, куда направляюсь и почему расхаживаю по улицам в это время. Я спокойно отвечал на его вопросы, но одновременно слышал повторяющиеся комментарии в толпе, что поймали террориста.

Выслушав мои объяснения и ответы на его дополнительные вопросы, солдат кивнул головой своим сослуживцам, которые освободили нас от окружавшей толпы и вместе с ним, взяв меня под руки, пошли назад к зданию, где стояли автоматчики. Пока мы шли, я пытался протестовать, говоря, что я сотрудник Секретариата ООН, что это ошибка, что у меня есть официальная виза правительства Колумбии, что они должны разобраться, и что для этого нужно пригласить офицера. Но они меня не слушали. Когда мы оказались около автоматчиков, солдат с моим паспортом попросил меня поднять руки вверх, на что я ответил решительным отказом, настаивая при этом вызвать к нам офицера. После моего отказа поднять руки и пока я высказывался по поводу присутствия офицера, двое солдат в одно мгновение обыскали меня со спины. Однако никто почему-то не догадался обследовать мою сумку. Я снова высказал свой протест, настаивая на приходе их командира и глядя вокруг в надежде увидеть офицерскую форму.

Солдат с моим паспортом стоял в нерешительности, стуча им об руку, видимо, размышляя, что со мной делать. Потом он снова кивнул головой стоявшим рядом со мной солдатам, которые подхватили меня под руки и потащили к стенке, около которой с поднятыми вверх руками стояло ещё 5—6 человек под наведёнными в их сторону автоматами. Солдаты оставили меня вместе с другими у стены и отошли на несколько шагов, вероятно, с намерением не дать мне уйти оттуда, но больше поднимать руки не заставляли. Повернувшись лицом к улице, я снова стал требовать офицера. Через минуту солдат с моим паспортом направился к углу здания и скрылся за поворотом. Тогда я обратился с той же просьбой к оставшимся рядом со мной солдатам, которые ответили мне, что их товарищ пошёл искать командира и сейчас вернётся.

После 2—3-х минут ожидания на углу дома вместе с солдатом появился толстый офицер в каске и с таким количеством орденов и медалей на груди, что можно было подумать, будто он героически прошёл через массу крупных боевых сражений. Офицер, глядя на меня

от угла дома, слушал объяснения солдата, который затем передал ему мой паспорт. Я стал делать знаки офицеру с просьбой подойти, но, просмотрев мой документ, он вернул его солдату и что-то ему сказал. Солдат тут же направился ко мне, а я пошёл навстречу ему, и охранявшая меня двойка двинулась вместе со мной. Офицер остался наблюдать за нами со своего места. Подойдя ко мне, солдат извинился за моё задержание, передал мне паспорт и сказал, что я могу двигаться дальше.

Принимая паспорт, я попросил показать, как мне пройти в мою гостиницу, но солдаты сказали, что они из провинции и города не знают. Тогда я обратился с той же просьбой к новой образовавшейся вокруг нас толпе, однако, может быть из-за страха связываться со мной, никто на мою просьбу не откликнулся. Я уже собрался идти дальше, когда из толпы вышел мальчик лет 9—10 и сказал, что моя гостиница совсем рядом, и что он меня туда проводит. Подойдя ко мне, мальчик взял меня за руку, и через расступавшиеся перед нами кучки собравшихся здесь пешеходов и кордоны солдат мы с ним пошли прямо по осевой нашей улицы. Все находившиеся на улице солдаты, скопившиеся здесь пешеходы и многие жители соседних домов, смотревшие из открытых окон, наблюдали за нашим необычным шествием.

Моя гостиница находилась от места моего задержания всего в четырёх кварталах. За полицейским барьером, который отгораживал её от нашей улицы, собралось человек 15—20 любопытных, ждавших нашего прихода. Среди них оказалась часть работников «Интерконтинентала», в том числе его главный управляющий, который, увидев во мне иностранца, тут же подошёл ко мне осведомиться, иду ли я в его гостиницу. Услышав подтверждение, он с энтузиазмом схватил у меня с плеча мою сумку и в сопровождении других служащих быстро увлёк меня внутрь здания вместе с мальчиком. Здесь я щедро наградил моего сопровождающего долларами за его услугу, и он с радостью помчался на улицу.

Управляющий гостиницей подошёл со мной к прилавку регистрации и сам стал заниматься моим оформлением. Пока я заполнял карточку прибывшего, мой хозяин извинялся за постигшую меня неприятность и рекомендовал в тот день на улицу больше не выходить, так как в городе ожидалась беспорядки. Просмотрев мою заполненную карточку, управляющий буквально просил, узнав, что я советский, и обрадовано распорядился предоставить мне лучший имевшийся номер без дополнительной приплаты.

В ожидании подготовки номера он повёл меня к расположенному там же бару и угостил меня виски, расспрашивая про СССР, мою работу и мои туристские планы в Колумбии. Я оказался первым советским не только в его гостинице, но, по всей видимости, и в самой стране за почти 20 лет отсутствия каких-либо отношений между нашими государствами. Номер уже давно был приготовлен, но управляющий отелем всё не хотел меня отпускать. Потом он спохватился, что слишком задержал меня после дальней дороги и выпавших на меня неприятностей, взял мою сумку и ключ и сам поехал наверх показывать мой номер. Мы с ним расстались как добрые знакомые.

Приняв душ и немного отдохнув, я решил спуститься на ужин в ресторан при гостинице. Слух о том, что в отеле остановился русский из Москвы, обошёл всех его сотрудников, и, проходя по помещениям гостиницы, я ловил на себе их любопытные доброжелательные взгляды. Главный ресторан со столиками в тот день был закрыт, но ужин давали за стойкой бара, где я выбрал себе удобное место, так как других клиентов пока не было. Заказав себе блюдо, я стал изучать карту Боготы, которая после моего утреннего похода мне теперь стала более понятной, что облегчило ориентацию в расположении памятников, старых церквей, музеев и других достопримечательностей, намеченных для моего посещения.

Я ещё не успел получить свой ужин, как у меня появился возбуждённый сосед, который, сразу же заказав себе на английском джин с тоником и бифштекс, начал с возмущением рассказывать мне перипетии его сегодняшнего дня, связанные с проверками документов,

задержаниями, объездами и прочими неурядицами, выпавших на него по дороге в Боготу и гостиницу. Судя по акценту, я решил, что он англичанин (он потом это подтвердил), и про себя подумал, что я оказался не один иностранец, кто попал сегодня в неприятное положение. Мой собеседник приехал в Боготу из провинции, где он работал уже почти два года на предприятии своей английской фирмы, чтобы завтра утром встретить своего коллегу из Лондона. Ему явно очень не нравилось здесь работать, в первую очередь из-за непрекращающихся беспорядков, вызываемых действиями партизан-повстанцев и неспособностью правительства контролировать положение.

За нашим растянувшимся ужином и новыми порциями джина с тоником он рассказывал о событиях в Колумбии, приводя случаи похищений, ограблений, избиений и прочих страстей, жертвами которых были его коллеги по работе и знакомые. Он с нетерпением ожидал завершения своего контракта, чтобы поскорее уехать из этой бестолковой и опасной, как он считал, страны. Англичанин был настолько занят рассказом о своих собственных проблемах, что обо мне спросил только, кто я, откуда и зачем приехал и сколько времени собирался быть в Колумбии. Мы разошлись довольно поздно и попрощались, так как он завтра же после встречи коллеги из Лондона вместе с ним снова уезжал на своё предприятие.

Поднявшись в номер, я сразу лёг спать, но буквально через несколько минут раздались сначала одиночные выстрелы, а потом и автоматные очереди. Я встал и осторожно выглянул в окно, но на нашей улице не было ни машин, ни людей. Я заснул, но на протяжении ночи несколько раз слышал выстрелы, правда, они звучали в стороне от нашего отеля.

Утро следующего дня было очень солнечным и неожиданно прохладным. В окно я увидел, что полицейское заграждение на нашей улице начали разбирать солдаты, а их кордонов уже не было, хотя на углах улиц стояли патрули. Я с надеждой подумал, что осадное положение отменили, и, спустившись вниз на завтрак, тут же купил местную крупную газету. Аншлаг громко объявлял о принятии вчера на встрече президентов «Декларации Боготы», провозглашавшей новую эпоху сотрудничества между андийскими странами в разных областях, в том числе и в сфере борьбы с «коммунистическими повстанцами». Были сообщения об арестах, проверках, перестрелках и прочих беспорядках, но, по утверждению газеты, партизанам не удалось сорвать встречу в верхах благодаря прекрасному обеспечению безопасности в городе со стороны армии и полиции. Осадное положение отменялось, что открывало путь моим туристским маршрутам.

Сразу же после завтрака, взяв свой фотоаппарат, я отправился пешком по городу на центральную площадь, где находился прекрасный старый католический собор в стиле классического барокко и президентский дворец с усиленной охраной в окружении ряда правительственных зданий. Потом я добрался до дома-музея Симона Боливара, где с волнением осматривал его жилище, личные вещи и документы, рассказывавшие о жизни и деятельности этой необыкновенной исторической личности —освободителя целой группы стран Южной Америки от Испании – во время его пребывания в Колумбии и о его последующей драматической кончине на её карибском побережье в 1830 году. Следующий день начался с подъёма на фуникулёре на самую высокую гору в окрестностях Боготы, откуда открывается фантастическая панорама всего города и той огромной долины, в лоне которой он так уютно расположился. Остальное время я провёл в хождениях по музеям и улицам города.

Вернувшись к вечеру в гостиницу, я поинтересовался у портье возможностью совершить поездку из Боготы в район Сирпаркира, где находился самый глубокий в мире подземный собор, построенный в бывших соляных шахтах. Портье сообщил мне, что туда лучше всего съездить организованной экскурсией, так как Сирпаркира находилась в зоне партизан, и одному там появляться просто опасно. Небольшие экскурсии в это место, по его словам, проводились не так часто и только тогда, когда набирается хотя бы 5—6 туристов. В ответ на мою просьбу он связался с турфирмой, где ему сообщили, что у них всего пока было вместе

со мной 2 кандидата на поездку и что, если к завтрашнему утру наберётся ещё 2—3 желающих, то в тот же день после завтрака микроавтобус заедет за мной в гостиницу.

Мне повезло, и уже перед завтраком портье обрадовал меня сообщением, что экскурсия состоится, и что к 9.30 я должен быть в вестибюле в полной готовности к поездке. С небольшим опозданием меня подобрал повидавший немало трудных дорог микроавтобус «фольксваген». Там было три пассажира: один университетский профессор из Коста-Рики и мать с взрослым сыном из города Талса в штате Оклахома на юго-западе США. Мы все быстро познакомились. Я, как русский из Москвы, хотя и работавший в Нью-Йорке, вызвал у моих спутников и водителя невероятное удивление, так как никому из них с русскими встречаться не приходилось. Как и в других подобных случаях, теперь мне снова пришлось отвечать на множество вопросов об СССР, об ООН (они и о ней почти ничего не знали) и о себе. Мы не преминули обсудить события третьего дня, которые мои спутники не застали, приехав в Боготу на два дня позже.

Когда мы вышли на шоссе в направлении Сирпаркиры, перед нами возник солдатский дорожный патруль. Наш водитель объяснил солдатам, кого он везёт и куда едет. Документов у нас не спрашивали, но внутрь автобуса заглянули, видимо, убедиться, что там никто не прячется. Продолжая путь после проверки, водитель пояснил нам, что мы въезжаем в зону действия партизан и что патрули нас могут останавливать ещё несколько раз. Он заверил, что большую часть нашего пути контролируют войска правительства, но что дальше хозяйничают повстанцы, которые, как правило, туристов не трогают.

Мои спутники о повстанцах в зоне нашего путешествия ничего не знали и, услышав сообщение водителя, начали с волнением обсуждать, что делать в случае их появления. Полусерьёзно-полушутя условились, что если нас остановят повстанцы, то, как советский, с ними объясняться буду я, а в случае проблем с правительственными патрулями разговаривать будут они. Патрули нас останавливали действительно ещё несколько раз, но их проверки ограничивались простым осмотром нашего транспорта и вопросами водителя, который интересовался, не было ли недавно каких-либо вылазок повстанцев в зоне патрулирования.

До места назначения мы доехали без встреч с партизанами, пообедав по пути в местном ресторанчике маленькой живописной деревушки. В подземный собор нужно было въезжать, как в обычную шахту, на вагонетках у самого подножия очень высокой горы. В конце узкого и довольно длинного тоннеля посетители вдруг оказываются в огромном и чрезвычайно высоком зале, который сужающимся конусом гигантского размера уходит к самой вершине горы, откуда маленькой светлой точкой показывается небо.

Устройство и убранство части зала у одной из стен этого помещения напоминало многократно увеличенный неф обычного собора, но в значительно более скромном варианте. Здесь не было, да из-за отсутствия окон, не могло быть, привычных в католических церквях нарядных витражей и розеток, которые так оживляют и украшают их интерьер. В помещениях царил удивительно чистый и приятный воздух, уютно горели десятки свечей, но основной свет обеспечивало электричество. Прихожан не было, и лишь бесшумно возникавшие несколько монахинь свидетельствовали о присутствии здесь человека. В этом гигантском подземном соборе, который был построен после выработки шахты по инициативе трудившихся здесь шахтёров, устраивались, как правило, крупные торжественные религиозные церемонии, собиравшие большое число прихожан из широкой округи и других местностей. Это действительно уникальное и восхитительное сооружение оставляет сильнейшее впечатление.

После посещения собора и уже на обратном пути водитель завёз нас ещё в одну маленькую бедную деревушку, зацепившуюся за край высокого горного холма, откуда можно было долго разглядывать панораму широкой долины, раскинувшейся среди торжественно-вели-

чественных гор. В деревушке продавались сувениры для туристов, где мы в свою очередь тоже приобрели искусные поделки местных мастеров. Наш обратный путь прошёл без приключений, но с неизбежными в том районе проверками патрулей. После позднего возвращения я плотно поужинал и лёг спать, то и дело возвращаясь в памяти к картинам подземного собора Сирпаркира и увиденным во время путешествия восхитительным пейзажам. На следующий день я продолжил свое обследование Боготы, а вечером отправился в аэропорт. Переполненный массой колумбийских впечатлений, я теперь готовился к встрече со столицей бывшего испанского вице-королевства Перу – Лимой.

Моё увлекательное знакомство со страной инков

Среди моих коллег по работе в Нью-Йорке, которые передали со мной подарки и письма в свои страны по моему маршруту, была одна молодая и красивая девушка-перуанка Мария-Элена, проходившая у нас стажировку в порядке подготовки к экзаменам на синхронный перевод. Её передача предназначалась для её жениха, завершавшего свой дипломный проект на получение звания архитектора в университете Сан-Марко в Лиме. Она уже заранее сообщила своему Мигелю о времени моего прилёта, и он обещал меня обязательно встретить, хотя мой рейс прилетал около трёх часов утра.

Когда я с чемоданом появился перед небольшой группой встречающих в аэропорту Лимы, то мы с Мигелем сразу же узнали друг друга, и он, увидев меня, тут же подбежал ко мне, представился и стал тепло обнимать, как будто мы с ним были старые друзья. Мигель подхватил мой чемодан, и мы, оживлённо разговаривая, направились к выходу. Увлёкшись встречей с Мигелем, я не успел заметить, что меня встречали ещё два человека – два профсоюзных руководителя, с которыми я познакомился в самолёте по пути из Панамы в Колумбию, и которые тоже обещали меня встретить, хотя я им говорил, что меня уже будут встречать и что им не стоит об этом думать. По правде говоря, я и не ожидал, что они приедут за мной в аэропорт, но теперь надо было с этим делом разобраться. Они подошли к нам с Мигелем, мы радостно и искренне поприветствовали друг друга, и я их познакомил с будущим архитектором. Они сказали, что, даже зная, что меня будут встречать, всё равно хотели приехать увидеться и договориться о последующей встрече. Мы так и условились, хотя мои профсоюзные руководители настояли поехать на своей машине и проводить меня до гостиницы.

На выходе из здания терминала прямо около дверей мы оказались перед новеньким красным спортивным «феррари» – очень дорогой и редко, даже в Америке, встречающейся машиной. К моему невероятному удивлению Мигель поставил мой чемодан около «феррари» и стал привычным жестом открывать его дверь. «Ничего себе! – подумал я с восхищением. – Вот это сюрприз, который мне приготовила Мария-Элена через своего жениха». Мои профсоюзные руководители тоже остановились посмотреть на эту автомобильную диковинку, разглядывая её вместе со мной с разных сторон. Мигель сел за руль, и «феррари» словно самолёт на разбеге перед взлётом, рванулся вперёд и помчался по пустому шоссе в Лиму. При практическом отсутствии движения по всему пути мы за разговором доехали до гостиницы в центре города невероятно быстро. Я успел оформить, вместе с Мигелем съездить в мой номер оставить вещи и проводить его вниз, когда подъехали мои руководители профсоюзов. Было почти 4 часа утра, и мы с Мигелем и профсоюзниками условились о встречах на завтрашний день.

Приняв душ, я рухнул спать и проснулся на следующее утро от телефонного звонка около 10 часов. Звонил Мигель, сказавший, что заедет за мной к 11, покатает по городу, а потом повезёт меня на обед к своим родителям в пригород Сан-Исидро. Собравшись, я вышел в город позавтракать и немного пройтись по улицам старой части города, где находилась моя гостиница. Здесь сохранилось много просторных 2 этажных домов с узорчатыми чугунными решётками на балконах по всей протяжённости их уличных стен. Через ворота более поздней постройки порой можно было увидеть широкие внутренние дворы-патио, покрытые выжженной желтовато-зелёной травой, с элегантными королевскими пальмами, фруктовыми деревьями, пёстрыми цветниками и яркими бугенвиллиями. Всё это было очень мило, дышало стариной, но выглядело как-то неухоженно и заброшенно. Когда-то богатые аристократические владельцы этих домов обеднели и не имели достаточно средств на их надлежащее содержание.

Пунктуальный Мигель заехал за мной в назначенное время, и красный «феррари» повёз нас по улицам и площадям перуанской столицы...

Неграмотный конкистадор Франсиско Писарро, дальний родственник покорителя Мексики Эрнана Кортеса, вместе со своим партнёром Альмарго открыл сегодняшнее Перу в 1532 году. В том же году они начали завоевание огромной и богатой империи инков с отрядом всего в 170 человек (у Кортеса в Мексике их было 220), среди которых было ещё четверо братьев Писарро. Об этой стране испанцы впервые услышали в самом начале 1500-х годов, когда начинали осваивать территорию теперешней Панамы, местные жители которой рассказывали им об очень большой и богатой стране на юге, известной разным местным индейским племенам под названиями Биру, Пиру и Перу. Последнее в итоге возоблаго и дало название южноамериканскому испанскому вице-королевству, а впоследствии и новой независимой стране. Перуанская столица обязана своим происхождением тому же Франсиско Писарро, основавшему этот город в 1535 году на берегу реки, которую индейцы аймара называли Лимака, что на языке кечуа произносилось как Римака, но в том и другом случае это означало «река умеющих говорить на кечуа». Аймарское Лимака перешло в Лима и определило окончательное название столицы Перу...

С Мигелем, надо сказать, мне очень повезло: он был прекрасно образован и начитан; как архитектор он великолепно знал свой город; он серьёзно интересовался искусством и был знатоком балета, внимательно следившим за творчеством своего идола Майи Плисецкой; он был интересным собеседником и, будучи человеком по натуре очень общительным и обаятельным, имел много друзей и знакомых. Ко всему прочему он принадлежал к старому и богатому аристократическому роду Малатеста, что открывало ему многие двери и возможности.

Мне повезло с ним ещё и в том, что, несмотря на работу над дипломным проектом, ему можно было уделить мне достаточно времени, чтобы сделать три с половиной дня моего пребывания в Перу чрезвычайно насыщенными и интересными. Без такого знакомого даже при длительном пребывании здесь было бы невозможно побывать в целом ряде частных закрытых музеев культуры инков, посетить археологические раскопки, проводившиеся его друзьями на их собственных территориях, обедать или ужинать в роскошных домах некоторых известных перуанских семей, встречаться со студентами в университете и на их вечеринках у них дома. Для всего этого нужно было быть одним из таких местных, каким оказался мой славный гид и новый товарищ Мигель Малатеста.

Будучи русским из СССР – страны, с которой Перу давно не имело никаких отношений, я в Лиме, как и в других местах моего путешествия, вызывал самым этим фактом немалый интерес, так как русских здесь просто никто не видел. Многим очень хотелось со мной повстречаться, узнать, что мы собой представляем, поговорить о Советском Союзе, услышать ответы на интересовавшие их в отношении нас вопросы, побывать в компании с русским. Приглашений у меня возникло столько, что я не смог бы ими всеми воспользоваться, даже если бы моё пребывание здесь было гораздо более продолжительным. Всё это вместе делало наше общение очень интересным и непринуждённым, а то, что я свободно говорил по-испански, в значительной мере способствовало ему.

Совершив первую ознакомительную прогулку по центру Лимы, мы с Мигелем отправились на семейный обед к нему домой в пригород Сан-Исидро. По дороге он ненадолго заехал к своим друзьям в соседний Мирафлорес, где я впервые посетил дом богатых перуанцев с роскошным садом и собственной конюшней, которые обслуживались целой бригадой прислуги. Одно содержание самого такого хозяйства и всех работников требовало немалых денег, но здесь в них недостатка явно не было. Нас угостили соками и предлагали остаться на обед или приехать на ужин, но в тот день мы уже были ангажированы.

Дом семьи Мигеля Малатеста был во многом похож на пригородные виллы других богатых перуанцев по своим размерам, ухоженности окружавшей его территории, наличию бассейна, численности прислуги и другим атрибутам их социального положения. Отец и мать Мигеля унаследовали от своих родителей не только деньги и акции ряда крупных американских компаний, но и плантации на юге страны, которые давали немалый доход. Его отец, находившийся в те дни в деловой поездке в Калифорнии, входил в советы директоров нескольких перуанских фирм. Дети таких семей обучались в лучших школах и университетах страны и за границей. Свои длительные отпуска эти люди часто проводили в путешествиях по Европе.

На обеде у Мигеля были его мать, старшая сестра с мужем, брат матери с женой и взрослым сыном. За длительной застольной беседой вести разговор в основном пришлось мне, так как члены семейства один за другим задавали много вопросов, на которые я с удовольствием отвечал. Кухня в тот день была главным образом европейская, а отдельные перуанские блюда мне как-то не запомнились. Десерт подавали в саду, где в местный зимний июль было солнечно и приятно. Я распрощался с хлебосольной хозяйкой дома и её гостями около четырёх дня, получив приглашения приходить сюда снова и побывать в домах её родственников. Подаренные мной русские сувениры, особенно матрёшки и чёрная икра из нашего представительства в Нью-Йорке, произвели здесь впечатление раритетов.

После замечательного обеда с семьёй богатых перуанских аристократов меня ждал ужин с руководителями местных рабочих. Мигель отвёз меня на центральную площадь Лимы Пласа де Армас, а сам поехал по делам своего проекта, условившись со мной забрать меня на следующий день из гостиницы в 9 утра для встречи с его однокашниками по университету.

В остававшееся до ужина время я побродил по центру города, который по плану был довольно сильно похож на главные площади других столиц стран бывшей испанской империи. Даже центры их более мелких городов в своей основе повторяли ту же модель: большая площадь с бьющим в её центре фонтаном, резиденция и канцелярия главного управляющего чиновника в качестве самого крупного и импозантного сооружения, а также расположенные по периметру площади правительственные учреждения с устроившимися между ними магазинами. План был почти один и тот же, хотя его воплощение в каждом месте имело свой специфический колорит.

С точки зрения городского пейзажа даже по сравнению с Мехико и Боготой, где уже было немало интересных зданий современной архитектуры из металла и стекла, и где сама уличная жизнь выглядела бурной и активной, Лима производила впечатление провинции. Оно ещё больше усиливалось большим присутствием бедных индейцев в их древних традиционных костюмах. Особенно заметными были женщины в ярких платьях и мужского типа шляпах с неизменным нелёгким грузом на спине и забитыми, никогда не улыбающимися лицами, несущими на себе какую-то вековую печаль. Их вид и поведение набрасывали на всё вокруг оттенок некоторой щемящей грусти.

Около 7 вечера за мной в гостиницу заехали профруководители. Сначала они повозили меня по незнакомым мне ещё районам города, показывая их достопримечательности, а потом привезли в ресторан морской кухни, где мы за вкусными плодами моря и местной водкой писко провели за разговорами около трёх часов. На этот раз их интерес сосредоточился в основном на советских профсоюзах. В мои студенческие годы мне немало раз доводилось работать с делегациями профсоюзов нескольких стран, в том числе с первой такой американской делегацией, посетившей СССР после середины 30-х годов. Поскольку я в определённой степени был осведомлён в этой тематике, то мог более-менее предметно отвечать на их деловые вопросы. Их очень интересовала возможность установить связь с нашими профсоюзами и познакомиться с жизнью советских рабочих.

Ввиду отсутствия каких-либо советских представительств в Перу я им посоветовал попробовать выяснить данный вопрос через посольство или консульство СССР в одной из других стран, где они могут оказаться. Судя по их реакции, они намеревались воспользоваться такой рекомендацией в будущем. На следующее утро мои профруководители уезжали по своим делам на несколько дней в Куско, но, прощаясь со мной у гостиницы, оставили телефоны своих коллег на случай, если мне что-то понадобится, и взяли мои нью-йоркские координаты. Мы обменивались с ними рождественскими открытками вплоть до завершения моей командировки в ООН.

Первую половину моего второго дня в Лиме мы с Мигелем провели во встречах и беседах с его однокашниками в университете Сан-Марко. Здесь мы обменивались бесконечными вопросами и ответами, касающимися жизни и учёбы студентов в СССР и Перу. Наши разговоры происходили в конце студенческого кафетерия, где то и дело появлялись другие студенты, некоторые из которых, узнав, что происходит, включались в наш общий разговор, превратив его в настоящее студенческое собрание. Перед тем как разойтись на обед, один из товарищей Мигеля пригласил его вместе со мной к нему на ужин на снимаемую им квартиру, куда должны были придти ещё несколько его друзей. Мы пообедали с Мигелем и несколькими из его однокашников там же, в студенческом кафетерии, где была очень приличная и недорогая кухня.

После обеда Мигель отвёз меня в музей истории инков, а сам вернулся к делам по своему проекту. В музее была представлена большая интересная коллекция предметов археологических раскопок периода до становления империи инков и восхитительно богатая экспозиция, рассказывающая об их собственной удивительно высокой цивилизации, практически полностью уничтоженной испанскими завоевателями.

Вечер того дня мы провели в новых раундах разговоров на квартире товарища Мигеля Родриго. Он сам был из провинции, а его двухкомнатную квартиру в хорошем квартале города ему снимали его состоятельные родители. Кстати, я заметил, что в обществе Мигеля и его друзей людей не из состоятельных семей не было, что не мешало этой молодёжи часто высказываться относительно необходимости социальной справедливости и даже на словах поддерживать революцию на Кубе, политику Кастро и революционную борьбу Че Гевары. Узнав, что мне довелось быть на Кубе и даже работать какое-то время с Че, они меня просто замучили просьбами рассказывать об этом до самой полуночи.

В последующие полтора дня моего пребывания я провёл время, посещая государственные и частные музеи, выезжал на археологические раскопки, обедал и ужинал каждый раз в домах или квартирах друзей Мигеля и его семьи. Мы с ним съездили и в порт Лимы Кальяо, бродили по улицам столицы и её богатых пригородов Мирафлорес и Сан-Исидро, где мой замечательный гид со знанием дела знакомил меня с особенно интересными историческими и архитектурными памятниками. Как оказалось впоследствии, когда я прочитал почти все основные работы Марио Варгаса Льосы, это были те места, где разворачивалось действие многих его романов и рассказов, в том числе и, как мне думается, его лучшего и частично автобиографического произведения «Тётушка Юлия и писака». Кстати, на мой взгляд, испанское слово «escribidor» в названии этого романа следовало бы перевести на русский как «сценарист».

Моё интереснейшее и увлекательное время в Перу заканчивалось. Мой славный и гостеприимный Мигель, с которым мы очень подружились за эти короткие, но насыщенные по общению дни, отвёз меня в аэропорт, где мы с ним обменялись нашими координатами и, тепло распрощавшись, расстались действительно как добрые друзья.

Когда я почти через месяц после начала моей поездки вернулся в Нью-Йорк, то узнал, что очаровательная Мария-Элена, благодаря которой у меня получилось совершенно уникальное пребывание на её родине, к сожалению, не сдала экзамены в ООН и вернулась в

Лиму. Мы с Мигелем регулярно переписывались. Он всё планировал приехать в Нью-Йорк, но вплоть до моего отъезда на работу в Москву ему это так и не удалось сделать. С моим переездом на работу в МИД наша переписка вынужденно прекратилась с моей стороны, и я потерял замечательного перуанского друга...

Из бывшей столицы вице-королевства Перу я вылетал в Сантьяго – столицу Чили.

В стране «на краю земли»

Уже в 1533 году, то есть всего год спустя после первой высадки испанцев в местечке Тумбес на западном побережье Перу и в самом начале его завоевания, между двумя основными группировками конкистадоров начались серьёзные раздоры из-за дележа еще не полностью покорённой огромной территории империи инков и её сказочных богатств. Во главе первой из них стоял клан пяти братьев Писарро, а второй руководил основной партнёр Франсиско Писарро по подготовке и проведению перуанской экспедиции Диего де Альмарго. В январе 1534 года Эрнандо Писарро доставил из Перу королю Карлу V в Севилью, к великой радости последнего, невиданное в Европе количество слитков золота и серебра. Прибытие такого неслыханного богатства ясно показывало огромное значение для Испании новой громадной колонии в Южной Америке, но одновременно подчёркивало и ту большую опасность, которая была заложена в разраставшемся конфликте между двумя вооружёнными группировками конкистадоров, о чём королю стало сразу же известно от прибывших из Перу людей.

Стремясь предотвратить перерастание раздоров между Писарро и Альмарго в гражданскую войну между завоевателями, Карл V согласился удовлетворить претензии последнего на важный титул «аделантадо», т.е. верховного правителя новой территории, и на предоставление ему такой новой территории под названием Новое Толедо, которая должна была простирается к югу от земель под управлением Писарро вплоть до конца всего континента. Такое неопределённое разграничение не могло быть тогда более точным, поскольку никому не было известно, где именно кончалась территория Писарро и где начинались владения Альмарго. Другими словами, конфликт между бывшими партнёрами удалось смягчить, но не устранить.

Ссылаясь на решение короля, каждый из соперников теперь выдвинул претензии на главный приз империи инков – её столицу город Куско. Более хитрый Франсиско Писарро уговорил более доверчивого Альмарго оставить на время спор из-за Куско и отправиться на завоевание его новых неизвестных территорий, выделенных ему Карлом V. После нескольких месяцев труднейших переходов через Анды, хотя этот путь проходил по проложенной королевской дороге инков, хорошо вооружённый отряд Альмарго в сопровождении массы индейцев достиг южной оконечности владений перуанских императоров в суровой пустыне на побережье Тихого, или, как его тогда называли, Южного океана.

Дальше на юг простирались бесконечные земли племён арауканос – самых физически крупных и бесстрашных индейцев Американского континента. Даже прекрасно подготовленные и хорошо вооружённые воины инков, покорившие многие народы, отказывались воевать со своими южными соседями. Все попытки испанцев продвинуться дальше здесь столкнулись с совершенно непреодолимым сопротивлением со стороны арауканос. Некоторое время конкистадорам не удавалось даже взять кого-либо из арауканос в плен, поскольку эти отважные воины предпочитали самим лишать себя жизни, нежели сдаваться живыми в плен. Но однажды ночью испанцы смогли захватить нескольких спавших арауканос и доставить их в свой лагерь. Под страшными пытками пришельцы заставили пленных признаться в том, что именно их племена так самоотверженно защищали. Их ответом было «Чили», что на языке арауканос означало «край Земли». На этот раз испанцам не удалось прорвать оборону бесстрашных арауканос, и измождённый голодом пустыни и холодом Анд отряд Альмарго был вынужден вернуться назад во владения братьев Писарро. Возвратясь из тяжелейшего похода с пустыми руками, эти воины во главе со своим командиром считали себя обманутыми и жаждали мести. В начавшейся между конкистадорами гражданской войне вокруг Куско группировка Альмарго получила название «людей из Чили», или «чилийцев»,

а та земля, которую испанцам после длительной и кровавой войны в итоге удалось захватить у арауканос, так и сохранила за собой это арауканское название.

После гибели Диего Альмарго в междоусобной войне Франсиско Писарро передал право на завоевание Чили Педро де Вальдивиа, который вступил в эти земли в 1540 году, где через год основал форт Сантьяго, но вынужден был остановиться в своём продвижении на юг перед лицом ожесточённого сопротивления арауканос на рубеже реки Био-Био. В течение десяти последующих лет Вальдивиа даже не решался продолжить свои завоевания, и лишь после 1550 года ему с большим трудом и ценой немалых потерь удалось основать несколько изолированных фортов, в том числе и Консепсьон. Но уже в 1553 году непокорные арауканцы во главе со своим талантливым военным вождём Лаутаром снова поднялись против испанцев. Эта война была очень подробно и поэтично описана в большом классическом произведении испанской литературы эпохи Ренессанса «Араукана», автор которого Хуан дель Энсина, хотя и был её непосредственным участником на стороне завоевателей, со всей силой своего огромного таланта воспел в стихах благородство и бесстрашие арауканос.

В ходе этой войны они смогли захватить и разрушить несколько испанских укрепленных поселений, взять в плен, а затем и казнить самого Вальдивиа. Его имя было позднее присвоено одному из крупных чилийских городов. Завоевание Чили удалось несколько закрепить к концу 1550-х годов лишь новому губернатору маркизу Гарсиа де Мендоса. Впоследствии Мендоса был назначен вице-королём в Перу, а его титул дал название группе островов Тихого океана – Маркизам, случайно открытым тогда же отважным испанским мореплавателем Менданья на пути из Перу в поисках легендарного и ещё не найденного европейцами Южного континента – Новой Голландии, переименованного позднее в звучную Австралию. Умело приспосабливаясь к изменяющимся обстоятельствам и меняя военную тактику, арауканцы продолжали свою вооружённую борьбу до 1880-х годов – уникальное явление в истории колонизации Американского континента...

Итак, покинув перуанскую столицу, через несколько часов полёта над прибрежной тихоокеанской полосой вдоль постоянно сопровождавших нас величественных андийских хребтов я прибыл в Сантьяго-де-Чили. Этот город почти со всех сторон окружён горами, и при посадке на его аэродром самолёты, не имея прямого доступа к посадочной полосе, должны выписывать постепенно снижающиеся к земле спирали.

Не имей сто эскудо... Перед моим отъездом из Нью-Йорка мой чилийский коллега Мардонес, узнав, что я собираюсь побывать в Чили, обратился ко мне с просьбой передать его другу в Сантьяго американский слуховой аппарат самой последней модели, который помещался в дужке очков и был почти не заметен для окружающих. По его словам, в Чили тогда подобных аппаратов ещё не было, и даже более старые модели стоили очень дорого. Я с готовностью согласился выполнить просьбу моего коллеги, который в благодарность за эту услугу заверил меня, что его друг встретит мой рейс, отвезёт меня в гостиницу и окажет мне всякое необходимое содействие. Когда же я вышел в зал встречающих терминала чилийской столицы, то сразу же увидел мужчину и женщину, ожидавших меня с листом бумаги, на котором значилось моё имя. Это и был друг Мардонеса Пабло со своей милой женой. Мы познакомились и тут же поехали в мою гостиницу в самом центре города.

Пабло, как оказалось, был не только экспансивным и разговорчивым человеком, который сразу же превратился в моего гида по своему любимому Сантьяго, но и вице-председателем радикальной партии Чили, т.е. важным членом парламента страны. В этой связи надо отметить, что в отличие от других государств Латинской Америки, где за исключением Мексики и Уругвая тогда правили военные хунты или диктаторы, в Чили процветала настоящая буржуазная демократия. Здесь социалисты и коммунисты представляли собой серьёзную политическую силу, о чём говорили и многочисленные флаги, плакаты и транспаранты этих и других многочисленных партий, развешанные или расклеенные по всему городу. Актив-

ная политическая жизнь страны сразу бросалась в глаза, а комментарии моего нового чилийского знакомого, погружённого в самую её гущу, почти с ходу ввели меня в курс её основных проблем и событий.

После того как я разместился в гостинице и передал Пабло его долгожданный слуховой аппарат, он, выражая большую благодарность за оказанную услугу, пригласил меня на ужин в традиционный чилийский ресторан. Там за вкусными местными блюдами и прекрасным чилийским вином Пабло и его жена подробно рассказали мне о наиболее интересных местах Сантьяго, где мне следовало побывать, а также о том, как съездить в курортный Винья-дель-Мар и в живописный Вальпараисо, расположенный на побережье Тихого океана, и что там посмотреть. Я со своей стороны отвечал на многочисленные вопросы моих новых чилийских знакомых, рассказывая об СССР, об ООН и о других интересовавших их вещах.

В ходе ужина Пабло сказал мне, что он заметил ещё несколько раньше и снова там, в ресторане, двух типов, которые за мной следят. Как бы в объяснение такой слежки, мой новый знакомый отметил, что кроме советских дипломатов в посольстве и советских моряков, посещающих организованными группами Вальпараисо во время стоянки их судов в его порту, других русских из СССР, тем более путешествующих в одиночку, в Чили просто не бывает. По этим причинам такой советский, как я, не мог не вызывать интереса или подозрения со стороны соответствующих служб. Он заверил меня при этом, что в этой несколько, может быть, морально неприятной ситуации есть и свой положительный момент – при таком сопровождении я буду в полной безопасности от каких-либо криминальных действий. Извинившись за такие негостеприимные меры своих властей, Пабло снова подчеркнул, что со мной ничего не будет, но что, в крайнем случае, если вдруг что-то возникнет, я могу позвонить ему по телефонам на его карточке, которую он вручил мне ещё раньше.

Сообщение о слежке меня совершенно не удивило и не обеспокоило, так как мне было известно, что за советскими за границей следили везде, хотя чаще всего мы этого не замечали. Я на это просто не обращал никакого внимания. При прощании после замечательного и интересного ужина по-чилийски мы условились с Пабло встретиться на следующий день, когда он в своё свободное время хотел повозить меня по интересным местам Сантьяго...

На протяжении двух столетий после его завоевания и вплоть до 1734 года, когда оно было выделено в самостоятельную административную область, Чили оставалось глухой, самой далёкой и непривлекательной провинцией вице-королевства Перу. Даже к концу колониального периода, то есть к 1818 году, там проживало примерно всего около 500 000 тысяч человек, не считая непокорённых индейцев. Этот факт и довольно нередкие разрушительные землетрясения объясняют отсутствие в этой стране каких-либо значительных памятников колониальной эпохи. В самом Сантьяго в этом отношении обращает на себя внимание пышное барокко колониальной архитектуры в парке холма Санта-Люсия. Наибольший интерес для туриста в Чили представляют его необыкновенные красуны природы – горы с прекрасными лыжными курортами, ледники, пейзажи тихоокеанского побережья, а также некоторые живописные города, как, например, Винья-дель-Мар и Вальпараисо.

После обследования в течение полных двух дней чилийской столицы я выехал поездом в эти упомянутые города. В раннем утреннем поезде сначала было довольно много народа, но потом пассажиры постепенно растаяли, а при подъезде к Винья-дель-Мар в нашем вагоне осталось всего четыре человека. Двое из них сидели далеко сзади, а через два сиденья от меня тоскливо наблюдал за пейзажем через окно молодой парень. Поскольку я не знал, когда будет моя станция, чтобы не проехать её, я обратился за помощью к моему ближайшему спутнику. Он охотно согласился мне сказать, когда следует выходить, тем более что он тоже ехал до Винья-дель-Мар. Мы разговорились. Узнав, что я советский турист, он немало удивился, сказал, что является членом социалистической партии Чили и что многие его соотечественники с большой симпатией и интересом относятся к СССР.

Мы вышли вместе, продолжая начатый разговор. Педро, как оказалось, приехал в Винья по делам своей фирмы и к вечеру собирался вернуться в Сантьяго. Он предложил показать мне коротко этот курортный городок, а вечером встретить меня здесь же, в моём поезде, на котором я должен был ехать из Вальпараисо обратно. Мы так и условились. Посмотрев ухоженные парки, сады и великолепные виллы, я на очередном поезде продолжил путь к Тихому океану.

Вальпараисо оказался очень активным и несколько хаотичным городом в своей портовой части. Здесь было много народа, на улицах то и дело встречались группы иностранных моряков, повсюду суетились мелкие торговцы, громко и настойчиво навязывая свой товар. Всё выглядело довольно неприбранно и даже грязно, как во многих портовых городах южных стран. Жилые кварталы Вальпараисо поднимались от прибрежной полосы круто вверх по склонам высоких холмов, и это было живописной достопримечательностью самого крупного морского порта Чили.

Во время обеда в небольшом ресторанчике около порта я спросил официанта, что он советовал бы мне здесь посмотреть. Он сказал, что самое интересное – это прогулка на самый верх жилых кварталов, откуда открывается очень красивый вид на Тихий океан и весь город. Больше, по его мнению, там смотреть было нечего. Я последовал совету официанта и направился пешком вверх по улицам. Подъём становился постепенно всё более крутым, и порой надо было делать передышки. Дойдя до последнего здания последнего квартала моей улицы, я остановился, чтобы подробно полюбоваться открывшейся передо мной великолепной панорамой далеко убогавшего океана, широкой прибрежной полосой и самого скатывавшегося к порту города.

Сделав ряд фотографий, я присел на находившуюся недалеко скамейку, где уже сидел с дымящейся сигаретой один из местных жителей. Вынув свою пачку американских сигарет, я предложил их закурить моему соседу, который, бросив свой окуроч, с благодарностью принял моё предложение и, глубоко затянувшись, похвалил вкус иностранного зелья. В ходе завязавшегося разговора мы сказали друг другу, кто мы такие, обменялись обычными в таких случаях вопросами и ответами. Он в свою очередь выразил большое удивление, что я из Советского Союза, и, как молодой человек в вагоне поезда, тоже оказался членом соцпартии Чили с большими симпатиями к нашей стране. Мой собеседник должен был уходить по ожидавшим его делам. Прощаясь, он вспомнил, что здание, около которого мы с ним сидели, было школой, где в тот день не было занятий, и поэтому можно было подняться на её крышу, откуда вид был ещё лучше, и где я смог бы сделать новые снимки.

Полюбовавшись с плоской крыши школы ещё более широким панорамным пейзажем, я начал спускаться вниз к порту, заходя по пути в разные мелкие лавочки в надежде найти подходящие местные сувениры. При выходе из одной из них уже в портовой части города я увидел, не веря собственным глазам, поднимавшегося мне навстречу выпускника нашего института, окончившего его на четыре года раньше меня. Мы знали друг друга только шапочно, хотя мне, как это обычно бывает со студентами младших курсов по отношению к старшим, было известно его имя. «Алексей! – радостно сказал я, подавая ему руку. – Это просто невероятно! Такая встреча буквально на краю света!» Мой институтский знакомый просто остоленел, услышав русскую речь и своё имя. Несколько секунд он с невероятным удивлением и явным недоверием, и даже с тревогой в глазах, разглядывал меня и мою яркую авиасумку с крупными литерами TWA, соображая, как реагировать на моё неожиданное и загадочное для него появление перед ним буквально на другом конце земли. Выжав из себя некоторое подобие улыбки, он осторожно огляделся вокруг и, убедившись, что никаких других людей со мной не было, пожал мою руку. «Ты что здесь делаешь? – как-то неуверенно произнёс он и снова оглянулся по сторонам. – Как ты сюда попал?»

Я коротко сообщил Алексею о своей работе в ООН, командировке в Бразилию и связанной с ней поездке по Южной Америке. Услышав это объяснение, мой старший однокашник несколько расслабился и оживился, а в ответ на мой встречный вопрос о его приезде в Чили сказал, что он приехал в Вальпараисо с советским торговым судном, на котором он теперь работал и которое в тот день разгружалось в порту. Он вместе с группой его команды был отпущен на несколько часов на берег. Его коллеги в тот момент находились в соседнем магазине, занимаясь покупками, а он вышел на улицу сделать несколько снимков. Алексей сообщил мне также, что сначала работал, а потом служил на флоте до поступления в наш институт, а после его окончания вернулся к себе в Одессу, решив продолжить работу морехода. Я пригласил Алексея зайти в кафе на чашку кофе, но тут он заторопился, сказав, что ему надо возвращаться к своим, так как они могли волноваться. Мы попрощались, пожав друг другу руки, и Алексей, не оглядываясь на меня, направился к двери соседнего магазина и исчез за ней. Оставшись один, я продолжал смотреть ему вслед, всё ещё с трудом веря в эту невероятную встречу. Даже сегодня, когда все в России, кто могут и хотят, путешествуют по всему свету, подобная встреча была бы тоже удивительной, но в советское время это было поистине невероятно! Зная наши тогдашние порядки, я прекрасно понимал неудобное состояние Алексея при нашей неожиданной встрече, которая не могла не вызывать у нас чувство определённой грусти и досады в связи с такими глупыми советскими установками по пребыванию людей за границей.

Погуляв ещё некоторое время по Вальпараисо, я сел на запланированный по времени поезд и поехал в Сантьяго. В Винья-дель-Мар, как и было условлено, в мой вагон сел Педро, с которым мы вели разговоры до приезда в столицу. Я пригласил своего нового знакомого вместе поужинать несколько позже в тот же вечер недалеко от моей гостиницы, на что он охотно согласился, и мы договорились встретиться в её вестибюле. Перед тем как разойтись, Педро сказал мне, что он и утром и вечером заметил за мной слежку – два типа ходили за мной на некотором расстоянии, пытаясь быть незамеченными. Хотя я сам этих людей не видел, я сказал Педро, что меня это не волнует, и что с этим сопровождением может быть даже безопаснее.

Приняв душ и немного передохнув у себя в номере, я ответил на телефонные сообщения, оставленные мне Пабло, который интересовался результатами моей поездки, а затем спустился вниз встретиться на ужине с Педро. Он пришёл в назначенное время, и мы посидели сначала в баре гостиницы, решая, куда лучше пойти. Буквально через несколько минут Педро снова сказал мне, что мои сыщики продолжают меня опекать, переместившись из вестибюля, где он их заметил, за нами в бар. Минут через двадцать мы уже шли с ним по городу в предложенный им ресторан, сопровождаемые сзади теми же двумя типами.

Педро предложил освободиться от нашей опеки путём резких изменений маршрута и частыми крутыми поворотами. Поскольку ему был прекрасно знаком город, он быстро, время от времени перебежками, повёл меня через хорошо известные ему дворы, сквозные подъезды и маленькие парки. Иногда мы останавливались в каком-то укромном месте и смотрели за появлением представителей охраны. Это были два пожилых субъекта в одинаковых светлых плащах, которым было нелегко за нами угнаться.

Было очень смешно наблюдать их со стороны, когда они, потеряв нас из виду, задыхаясь, останавливались у какого-нибудь перекрёстка, прохода между домами или входа в ближайший подъезд, делились мнениями о том, куда мы могли исчезнуть, и затем снова бросались искать нас по нашему следу. В основном эта игра в кошки-мышки происходила уже в кварталах неподалёку от выбранного нами ресторана, так как Педро решил проводить наш ужин без непрошеной компании.

Перед входом в ресторан мы оглянулись вокруг, но сыщиков не увидели и, довольные своим успехом, разместились в большом зале этого приятного и довольно наполненного кли-

ентами заведения. К концу ужина, когда мы уже пили кофе со сливками, Педро вдруг громко расхохотался и сообщил мне, что наша опека снова была с нами. Я стал рассчитывать с официантом, когда мой гость сказал мне, что оба типа тоже готовятся к выходу и сворачивают якобы читаемые ими газеты, за которыми они частично скрывали своё наблюдение за нами. Невзирая на мои колебания, он решил снова пошутить над ними и вместо обычного выхода на улицу пройти в соседнюю дверь, невидимую нашим опекунам и ведущую в туалет. Мы так и сделали. Несколько минут спустя мы вышли из туалета и через стеклянную дверь ресторана посмотрели на улицу, где оба типа в полной растерянности смотрели по сторонам, обнаружив наше загадочное исчезновение. Поскольку, как оказалось, в ресторане было два выхода на параллельные улицы, Педро повёл меня ко второму, где мы вышли на почти пустую улицу и направились без сопровождения в мою гостиницу.

Здесь мы расстались до следующего дня, утром которого мой чилийский друг показывал незнакомые мне ещё районы своего города. Перед обедом, на который я был приглашён Пабло и его женой до отъезда в аэропорт, мы с Педро тепло попрощались, обменявшись адресами. У него ко мне была всего одна просьба – прислать ему из Нью-Йорка американские джинсы. Мы с ним некоторое время регулярно переписывались, свои джинсы он получил, но сообщил, что ему пришлось заплатить за них немалую таможенную пошлину. Наша переписка прекратилась с его переходом на работу в военное ведомство.

После обеда Пабло с женой отвезли меня в аэропорт, где они мне передали небольшой сувенир для моего коллеги Мардонеса в Нью-Йорк. Я был им очень признателен за внимание и гостеприимство, которое они мне оказали, о чём я снова сообщал им в моих поздравительных открытках на Рождество. Из Сантьяго я вылетал рейсом «Люфтганзы» в Рио-де-Жанейро с остановкой в столице Парагвая Асунсьон. Оказавшись в зале ожидания аэропорта перед вылетом, я был очень удивлён тем, что почти все мои спутники говорили по-немецки. Вспомнив, что конечным пунктом назначения нашего рейса был всё-таки Франкфурт, моё удивление могло показаться неоправданным. Разговорившись с моим соседом по залу, я узнал, что почти все говорившие на немецком языке люди были чилийцами немецкого происхождения, которые большой группой летели туристами в страну своих предков. Начиная с середины XIX века Чили, где было много земли и очень мало людей, активно приглашало иммигрантов из Италии, Франции и особенно из Германии – стран, в которых был избыток рабочих рук, но мало работы. В отличие от итальянцев и французов, которые довольно скоро растворились среди родственного им по языку и культуре местного населения, немецкие иммигранты обживали отдельные поселения, сохраняя язык, обычаи и традиции Германии.

Теперь для меня наступал ещё один новый этап моего необыкновенно интересного и увлекательного путешествия. Однако до него была короткая пауза в столице Парагвая Асунсьоне...

Остановка в Парагвае

Государство Парагвай обязано своим названием большой реке Парагвай, которая, беря начало на Бразильском плоскогорье, несёт свои воды на протяжении почти 2500 километров до впадения в Парану на границе с Аргентиной. Название самой реки Парагвай на языке индейцев гуарани означает «река-вода попугаев» (парагоа – попугай + ай – река-вода). До прихода испанцев его территорию населяло несколько индейских племён, самым многочисленным из которых были гуарани. Они же дали название и реке Парана, которое на их языке означает «река-море» (пара – река + ана – похожая на море). Первыми европейцами в этих землях были Алехо Гарсиа, добравшийся туда в 1524 году от бразильского побережья, и Себастьян Кабот, который поднялся на территорию гуарани вверх по реке Парана. Однако эти пионеры Парагвая в тех краях только побывали, а первые поселения там были основаны в 1526—1556 годах Доминго де Ирала. Обосновавшись в форте Асунсьон, что в переводе с испанского означает «Успение», Ирала начал постепенно превращать его в центр власти испанской короны на юго-востоке Южной Америки. Оттуда же были предприняты шаги по основанию таких будущих аргентинских городов, как Санта-Фэ, Коррьентес и вторично сам Буэнос-Айрес.

В 1541 году в Асунсьон прибыл первый губернатор провинции Рио-де-Ла-Плата – легендарный исследователь Америки Кабеса де Вака. В 1527—1528 годах он был казначеем трагически закончившейся экспедиции Панфило Нарваэса во Флориду. Из 300 участников этой экспедиции в живых остались только четверо, в том числе Кабеса де Вака, которые на протяжении восьми лет были рабами индейцев, работали и бродили среди индейских племен южных районов теперешних Соединённых Штатов, пока почти случайно не встретились с передовым отрядом испанцев на севере лишь недавно завоёванной северо-западной Мексики. Его скитания побудили конкистадоров Де Сото и Коронадо начать экспедиции в глубь Североамериканского континента. После возвращения в Испанию Кабеса де Вака добился назначения в Асунсьон. Высадившись на побережье Бразилии в марте 1541 года, он и его отряд в течение пяти месяцев проделали страшно трудный переход в 1600 км через неисследованные земли, открыли самый крупный в мире водопад Игуасу и впервые достигли Асунсьона не водным путём, а по суше. Интриги и восстание Ирала в 1545 году привели к свержению Кабеса де Вака и его высылке в Испанию, где он был обвинён в злоупотреблении властью и приговорён к военной службе в Африке. Он умер в нищете и забвении в 1560 году.

Вначале Парагвай стал частью вице-королевства Перу, но в XVII веке он получает статус самостоятельного вице-губернаторства, а в 1776 году, с учреждением вице-королевства Ла-Плата, Асунсьон вместе со всеми парагвайскими землями попадает в подчинение Буэнос-Айресу. Основу колониальной политики Испании в те времена здесь составляли действия по делимитации границы территории Парагвая с Бразилией для приостановления португальской экспансии путём строительства опорных пунктов и поселений, а также поощрения широкого смешения испанцев с гуарани, что создавало более прочную основу поддержки со стороны населения режима королевского правления. В демографическом плане это привело к быстрому смешению двух основных наций и их культур. Парагвай почти полностью превратился в страну метисов, большинство которых является двуязычным, говоря на испанском и гуарани.

С начала XVII века и в течение последующих более 150 лет большая территория юго-восточного Парагвая находилась в руках ордена иезуитов, миссии которого обрели такую широкую самостоятельную военную, политическую и экономическую власть, что превратились в государство в государстве. Даже совместные вооружённые попытки Испании и Португалии расчленив на части объединённую территорию поселений миссионеров столкну-

лись с их ожесточённым сопротивлением, что в конечном счёте вызвало изгнание иезуитов из Парагвая, а позднее и из Бразилии.

Потеря Асунсьоном своего бывшего влияния перед растущей силой Буэнос-Айреса вызывала постоянное недовольство и сопротивление его населения, которое в 1810 году отказалось признать провозглашение независимости Аргентины применительно к своей территории, объявив через год свою собственную независимость. Длительные пограничные споры с их соседями в 1865 году привели задиристых парагвайцев к войне одновременно с маленьким Уругваем и с гигантами в лице Бразилии и Аргентины. Несмотря на колоссальное численное преимущество трёх союзников, прекрасно вооружённая и хорошо подготовленная немецкими специалистами парагвайская армия смогла в течение целых пяти лет оказывать им ожесточённое сопротивление. Война закончилась 6 летней оккупацией Парагвая, гибелью его президента Франсиско Лопеса и половины (!) населения страны, а также аннексией ряда частей её территории Бразилией и Аргентиной. Парагвай остался в конечном счёте независимым государством только из-за соперничества между его главными соседями-победителями. Ещё одну кровопролитную и разрушительную войну Парагвай провёл в 1932—1935 годах с другим соседом – Боливией за контроль над пограничной областью Чако. По мирному договору 1938 года Парагвай получил основную часть оспариваемой территории, а Боливии был дан выход к реке Парагвай. Любопытно отметить в этой связи, что основное командование успешными боевыми действиями парагвайской армии осуществлялось русскими белыми офицерами во главе с генералом Беляевым.

На протяжении почти всей его истории в качестве самостоятельного государства Парагваем управляли гражданские и военные диктаторы. Во время моего прилёта в Асунсьон страной уже много лет правил очередной диктатор в лице генерала А. Стреснера. Поскольку его власти отказали мне в визе, моё пребывание там ограничилось несколькими часами в столичном аэропорту. После этой паузы наступало моё долгожданное свидание с захватывающей Бразилией. Оно началось во всемирно известном красотой своих пейзажей Рио-де-Жанейро несколько часов спустя после вылета из Асунсьона.

Захватывающая Бразилия

...Открытие Бразилии, взятие её во владение и основание в ней первых поселений были одним из ярких эпизодов в истории великих географических открытий в целом и колониальной экспансии Португалии в конце XV – начале XVI века, в частности. Самым первым европейцем, побывавшим на берегах будущей Бразилии в январе 1500 года, был Висенте Янес Пинсон, который вместе с двумя своими братьями участвовал в первом плавании Колумба в Новый Свет. Несколько недель спустя на эти новые земли вышли каравеллы другого спутника Колумба по его второму плаванью – Алонсо Охеда. Однако королевская власть Испании не предприняла каких-либо шагов по утверждению за собой открытой её подданными территории, хотя по договору Тордесильяс 1494 году между Мадридом и Лиссабоном эти районы материка попадали в сферу владения Португалии. Инициативу на этот счёт очень скоро перехватили решительные португальцы.

Вслед за открытием в 1488 году Бартоломео Диашем мыса Доброй Надежды и обнаружением Васко да Гама в 1498 году морского пути в Индию и к островам Пряностей король Португалии направил в эти земли настоящую эскадру во главе с Педро Альваресом Кабралем. Выполняя навигационные инструкции самого Васко да Гамы в поисках попутных ветров и во избежание продолжительных штилей Атлантики у берегов Африки, Кабраль повёл свои каравеллы далеко на Запад, что и вывело его к берегам новой земли. Понимая огромное значение этого открытия для своей страны, он сразу же отправил один из своих парусников обратно в Лиссабон с донесением об этом событии, а сам продолжил путь в Индию через мыс Доброй Надежды. Этот южный выступ Африканского континента был назван Б. Диашем «мысом Страшных Штормов», но такое отпугивающее моряков название было изменено королём Португалии на более обнадеживающее «мыс Доброй Надежды». Португальская корона установила, что земля, открытая Кабралем, соответствовала португальской зоне владения новыми территориями по договору Тордесильяс. Лиссабон сразу же объявил о её принадлежности своему королевству и назвал её сначала Вера-Крус, то есть землёй Истинного Креста.

Известие об открытии Кабрала вызвало огромный интерес во всей Европе и привело к организации целой серии новых экспедиций к берегам Вера-Крус. Считается, что в одной из первых таких экспедиций участвовал в качестве главного мореплавателя Америго Веспуччи, ещё до этого побывавший в Новом Свете. Это плавание началось из Лиссабона в мае 1501 года. Именно Веспуччи, проплывая вдоль побережья новой земли, осознал её огромную протяжённость и дал первые португальские названия различным открываемым мысам, заливам и рекам, давая им, как это тогда было принято, имена святых согласно дням календаря. Предполагается, что в январе 1502 года его каравеллы вошли в залив, который местные индейцы племени тупибамба называли Гуанабара, что означало на их языке «залив, похожий на море». Веспуччи назвал его Рио-де-Жанейро, в переводе с португальского означавшее «Январский залив» – в ту эпоху слово «рио» употреблялось и в значении «залив», и в смысле «река».

Поскольку в течение почти 25 лет после открытия новой громадной земли в ней не было обнаружено никаких ценных металлов и всё внимание Португалии было сосредоточено на невероятно выгодной торговле с Индией и Молуккскими островами, её европейские соперники, особенно французы, а затем и голландцы решили быстро воспользоваться такой нерадивостью португальцев в земле Вера-Крус. Быстроходные французские корсары начали очень активно и вначале совершенно беспрепятственно вывозить оттуда ценное красильное дерево под названием «пау-бразил». Вырубка и вывоз дерева бразил быстро приобрели характер широких коммерческих операций, а само название столь популярного тогда

тропического продукта довольно скоро стало ассоциироваться с названием страны его происхождения, которое постепенно вытеснило из общего употребления старое Вера-Крус в пользу звучного и экзотического Бразил, произносившегося в разных языках с некоторыми вариантами.

Самую активную эксплуатацию красильного дерева сначала стали вести французы, которые предприняли очень серьёзные усилия основать в Бразилии постоянную колонию. Инициатором этого дела выступил французский авантюрист и искатель приключений Николя де Вильганён. Приняв протестантство, он заручился поддержкой очень влиятельного государственного деятеля Франции и главы гугенотов адмирала Колиньи, а также женевского вождя протестантов Кальвина. Вильганён заверил их, что новая колония в Бразилии станет убежищем для всех гугенотов и других протестантов. Кстати сказать, слово гугенот происходит от немецкого «Eidegenossen», что означает «товарищи по клятве» – именно так немецкие протестанты, которые начали это религиозное движение в качестве протеста против католической церкви, стали называть своих единомышленников во Франции и во франкоговорящей Швейцарии. Во французском языке это немецкое слово произносилось на свой лад, что и выразилось в его знакомых нам югенотах (на французском) и гугенотах (в русском).

В 1555 году французский король Генрих II дал разрешение на основание в Бразилии колонии, которая получила название Франс-Антарктик. Её местом был выбран сказочный по красоте залив Гуанабара, который португальцы, имевшие к этому времени уже несколько своих поселений по побережью, почему-то обошли своим вниманием. Для большей безопасности французы решили для начала обосноваться на одном из островов этой необыкновенной пейзажной бухты, на берегах которой жили довольно мирные индейцы племени тупибамба. Кстати сказать, именно с тупибамба были сделаны обошедшие тогда всю Европу самые первые рисунки и портреты коренных жителей Нового Света. Между новыми поселенцами и их местными соседями сложились дружественные отношения. Некоторые из французов, ещё ранее приплывшие туда за деревом бразил, остались жить среди тупибамба, обзавелись семьями, женись на местных девушках, и научились свободно говорить на их языке. При прибытии новых колонистов эти французы оказали большое содействие своим соотечественникам в налаживании жизни в незнакомой земле и хороших отношений с тупибамба.

Французская колония протестантов стала расти и набирать силу, привлекая новых единомышленников в свои ряды. Однако через несколько лет её основатель Вильганён неожиданно вернулся в католицизм и стал заставлять остальных протестантов последовать его примеру. В колонии начались бунты и протесты, которые вели к её распаду. Слухи об этих тревожных событиях во Франс-Антарктик вскоре дошли до Европы и заставили новых кандидатов в её поселенцы отказаться от планов переселения. Некоторые из протестантов, не выдерживая силовых действий Вильганёна, стали покидать Рио-де-Жанейро и уезжать в Швейцарию и Францию. Тем самым был положен конец потенциально широкой миграции населения из этих стран в Бразилию.

К этому же времени католическая Португалия вдруг осознала ту немалую угрозу со стороны Франции и протестантизма, которая возникла непосредственно в одном из помещений её собственного дома. Чтобы положить конец таким посягательствам на её владения и религию, португальцы собрали крупные силы под командованием генерал-губернатора Бразилии Мем де Са и, блокировав доступ в гавань Рио, заставили французский гарнизон сложить оружие. Для предотвращения возможных нападений или проникновения в эти места со стороны других государств Мем де Са основал на побережье залива город, который он назвал Рио-де-Жанейро.

Другим серьёзным претендентом на владения Лиссабона в Бразилии были голландцы. В течение 60 лет (с 1580 по 1640 год) Португалия входила в состав испанской империи, то есть в этот период хозяином Бразилии была Испания, враги которой неоднократно предпринимали попытки обосноваться на этой громадной и в силу данного обстоятельства уязвимой территории бывшей колонии Португалии. Одним из них была Голландия, которая совсем недавно смогла освободиться от испанского гнёта и стала независимым государством. В 1624—1625 годах голландцам удалось захватить и некоторое время удерживать Баийю на северо-востоке Бразилии. В 1630 году голландская Вест-индийская компания снарядила целую флотилию, которая успешно захватила Пернамбуку – столицу богатого края сахарных плантаций к северу от Баийи. Под руководством назначенного компанией на пост губернатора талантливого организатора графа Мориса Нассау-Зигена её бразильская колония превратилась в процветающую землю экономических и религиозных свобод. Там велись крупные общественные работы на благо всего населения, туда приглашались известные художники и учёные из Европы для популяризации знаний о богатствах и красотах Бразилии, там осуществлялась кампания примирения между португальскими и голландскими поселенцами. Однако алчность руководителей Вест-Индийской компании побудила их не оказывать поддержку столь прогрессивным начинаниям первого губернатора, что привело к его отставке в 1644 году. При последующих губернаторах положение в Пернамбуку стало ухудшаться, португальские плантаторы окружающих земель, почувствовав слабость его новых правителей, стали поднимать против голландцев восстания, которые закончились их изгнанием в 1654 году. В 1661 году Голландия полностью отказалась от своих претензий на Бразилию.

Несмотря на то, что западная граница Бразилии как португальского владения была ограничена по договору Тордесильяс между Мадридом и Лиссабоном вертикальной линией на расстоянии 370 лиг к западу от островов Зелёного Мыса, огромное расширение её территории на запад далеко за пределы этого договорного меридиана явилось самым разительным событием становления этой новой страны в колониальный период. На северо-востоке такую экспансию начали проводить крупные местные скотоводы и плантаторы, искавшие новые пастбища и плантации для своего скота и сахарного тростника. На севере колонии территориальное наступление активно вели миссионеры, которые в стремлении как можно раньше обратить в христианство как можно большее число индейцев уже в XVII веке основали немало миссий в районе центрального течения Амазонки. Однако самыми энергичными и дерзновенными собирателями новых территорий и проводниками португальской экспансии на Запад стали жители города Сан-Паулу и прилежащих к нему земель, получивших общее название паулистов. Для захвата новых рабов среди индейцев, а также в поисках золота, алмазов и других драгоценных камней паулисты организовывали большие экспедиции в глубь страны, известные как «бандейрас». Именно эти группы авантюристов, нередко объединявшие большие семьи, составляли целые миграционные потоки в неосвоенные новые западные земли, которые длились годами. Некоторые из них доходили до плохо контролируемых испанских владений в Перу и в Колумбии, в том числе до богатых перуанских приисков серебра и самой Боготы. В XVII веке эти отважные пионеры обследовали огромную территорию Мату-Гроссу, примыкавшую к Андийскому хребту, вели успешные наступления на пограничные области сегодняшних Аргентины, Парагвая и Бразилии, встретив серьёзное сопротивление со стороны индейцев и их покровителей иезуитов лишь в районе Ла-Платы.

Впервые чувство единения бразильцев как жителей одной страны стало формироваться в их борьбе с иностранными поселениями французов и голландцев на основе общности португальского языка, культуры, а также уклада и организации жизни в целом. В немалой мере такому единению способствовала значительная изоляция территории от окружавших её владений Испании и постоянная активная связь с Португалией. Свою роль в установ-

лении более действенного административного контроля над страной стал перенос в 1763 году её столицы из Сальвадора на северо-западе в более центрально расположенный Рио-де-Жанейро. Серия договоров между Португалией и Испанией в 1750—1777 годах в определённой степени дала юридическое закрепление захватам «бандейрас», способствуя притоку новых волн мигрантов в эти территории и тем самым оформляя состоявшуюся географическую экспансию Бразилии почти в её настоящем виде.

После захвата Наполеоном Португалии в 1807 году португальский королевский двор под защитой британского флота переехал в Рио-де-Жанейро. Первые попытки обретения независимости Бразилии были предприняты ещё в конце XVIII века, но были беспощадно подавлены. Новые шаги в этом направлении были сделаны во время пребывания в стране португальского королевского двора, но тоже оказались безуспешными. После ухода французов из Португалии власть в Лиссабоне перешла в руки жёсткого режима регентства, сопротивление которому создало там революционную ситуацию. Для её погашения король был вынужден покинуть Бразилию и вернуться в метрополию. Перед отплытием он назначил регентом Бразилии своего сына Дона Педро, который под воздействием безответственного отношения к Бразилии со стороны Лиссабона и перед опасностью его собственной высылки из страны решил при широкой поддержке бразильцев объявить её независимость. Он это сделал 7 сентября 1822 года на торжественной церемонии около Сан-Паулу, а в декабре того же года был коронован императором Бразилии. Бразильская империя просуществовала до 1889 года, когда недовольные действиями императора офицерские группировки подняли против него восстание, которое привело к созданию Республики Бразилии.

Бразилия является одной из самых крупных по территории стран мира, уступая по площади лишь России, Китаю и Канаде. Она даже больше Соединённых Штатов Америки, если не считать Аляску и Гавайские острова. Она граничит со всеми странами Южной Америки, за исключением Чили и Эквадора. В отличие от бывших испанских колоний в Америке, которые разбились на целую группу самостоятельных государств, Бразилия сохранила свою целостность, хотя попытки её раскола предпринимались неоднократно, в том числе в ходе войны в середине XIX века за независимость её самого южного штата Риу-Гранде-ду-Сул. В рядах армии этого штата вместе со своей бразильской женой воевал будущий объединитель Италии Джузеппе Гарибальди, успевший уже также повоевать за независимость Уругвая от Аргентины...

Наш самолёт подлетал к Рио-де-Жанейро в яркий солнечный день. Как бы желая дать возможность пассажирам подольше насладиться с воздуха необычайной красотой его капризно извивающейся береговой линии с ослепительно яркими песчаными пляжами в объятиях пенящейся морской лазури и причудливыми зелёными холмами, разделяющими город на несколько обособленных частей, пилот проделал двойной облёт этой жемчужины природы перед тем, как выйти на посадку. Даже сама посадочная полоса за неимением достаточного прямого пространства, словно испытывая притяжение со стороны вод залива Гуанабара, на своём конечном отрезке закруглялась, следуя за изгибом береговой линии.

Я остановился в гостинице, находившейся прямо в центре, пожалуй, самого известного и красивого пляжа в мире — Копакабаны. Оставив вещи в номере, из которого открывался чарующий панорамный вид на море, на пляж и часть города, я, не желая даже что-то перекусить на голодный желудок, тут же направился окунуться в изумрудные воды этого сказочного места. Надо сказать, что пляж там в то время был никак не оборудован для купающихся и отдыхающих, то есть на нём не было ни кабин для переодевания, ни теневых навесов, ни душевых или каких-то кафе, лавочек или ресторанчиков. Люди приходили на пляж уже только в купальных костюмах или в одеждах, которые их прикрывали. Всякую снедь продавали торговцы-лоточники, а всё остальное можно было получить в массе разных кафе и ресторанов, расположенных в домах через проходящую вдоль длинного дугооб-

разного пляжа дорогу. На самой пляжной полосе, если не считать самих отдыхающих, всё оставалось так, как это, видимо, было, когда здесь жили индейцы тупибамба.

Рио-де-Жанейро, или, как его коротко и любовно называют бразильцы, Риу, природа предназначила в первую очередь для отдыха и развлечений. В нём нет крупных музеев или солидных серьёзных театров, хотя уже в те годы он восхищал взгляд смелыми, неординарными архитектурными решениями отдельных больших современных зданий и многих частных домов-вилл. Его самое выдающееся достоинство – окружающая его со всех сторон щедрая и богатая природа. Здесь много замечательных парков и привлекательных мест для туристов, которые продолжают во всё возрастающих числах приезжать сюда отдохнуть и развлечься среди его радостных и лёгких в общении жителей, которых называют кариока. Словом «кариока» тупибамба называли первых поселенцев из Португалии, которые с учётом очень солнечного климата для большей прохлады красили стены своих домов белой краской. На языке тупибамба слово «кариока» означало «белый дом», а его жителей по ассоциации эти индейцы тоже называли тем же звучным словом.

В этот первый проезд я пробыл в Рио три дня, насыщенных туристскими маршрутами, хождением по улицам и паркам, поиском немногих сохранившихся от колониальных времён памятников и, конечно же, купанием. Знакомых у меня здесь не было, а единственная посылка, которую я привёз сюда из Нью-Йорка от одного из наших дипломатов, предназначалась для советского посла. Надо сказать, что с передачей этой посылки возникла некоторая проблема из-за почти совершенно не действовавшей здесь телефонной связи. Я пытался буквально десятки раз позвонить в наше посольство из гостиницы и из автомата, но после набора уже первой цифры раздавался гудок, говоривший о том, что линия занята. Оказывается, от этой проблемы в городе страдали все, что на деле означало практически отсутствие здесь телефона. Лишь на третий день, когда я уже должен был вылетать в новую столицу страны – Бразилиа – и перед отлётом собрался ехать в далёкое наше посольство на такси, портё нашей гостиницы, которому я поручил связаться с посольством даже в моё отсутствие, смог передать туда моё сообщение о посылке.

Новая столица Бразилии находится в её географическом центре, и решение о её строительстве в пустынной саванне на высоте 900 метров над уровнем моря на расстоянии свыше 1000 км от Рио-де-Жанейро объяснялось стремлением правительства содействовать экономическому и культурному развитию огромных внутренних областей страны, население которой со времени появления первых европейских переселенцев продолжало и в середине XX века сосредотачиваться главным образом вдоль её колоссально протяжённой прибрежной полосы. Идея переноса столицы Бразилии в глубь страны впервые была выдвинута в 1789 году во время возникновения первого движения к обретению её независимости. К этой идее снова вернулись в 1822 году при объявлении страны империей, а с возникновением республики положение о новой столице в центральной её части было записано в конституцию. Вплоть до 1956 года попытки правительственных комиссий по выбору конкретного места для нового города оканчивались безрезультатно. На этот раз работы по определению такого места проводились совместно с американскими специалистами и тщательно учитывали целый ряд факторов: топографию местности, климат, естественный дренаж, водоснабжение, геологическую структуру и характеристики почвы, землепользование, тип требуемых инженерных работ, электроснабжение, транспорт, наличие строительных материалов, возможности для отдыха, пейзаж и взаимодействие человека с окружающей средой. До того времени никогда и нигде место для столицы не выбирали столь тщательно.

Строительство города Бразилиа началось в 1957 году при активном руководстве со стороны его главного инициатора – президента Хуселино Кубичека и стало самым выдающимся достижением его администрации, которая в целом внесла очень большой вклад в развитие экономики и инфраструктуры страны. Х. Кубичек представлял те силы бразиль-

ского общества, которые были убеждены в том, что Бразилии с её огромной территорией, большой численностью населения и богатыми природными ресурсами было предназначено будущее великой державы. Именно эти силы стали решительными сторонниками создания новой столицы в середине 50-х годов. К её созданию Кубичек привлёк лучшие таланты градостроительства и архитектуры страны, во главе которых были поставлены соответственно выдающийся Луис Коста и гениальный Оскар Нимейер. В ходе всех пяти лет напряжённого графика строительных работ президент страны принимал самое активное участие в рассмотрении, утверждении и осуществлении планов и проектов, обеспечивая общее руководство, для чего он регулярно встречался с ведущими специалистами и посещал зону стройки.

21 апреля 1960 года, то есть в последний год 5 летнего президентства Хуселино Кубичека, Бразилиа, хотя и не полностью завершённая, получила статус новой столицы. После её инаугурации бывший федеральный округ Рио-де-Жанейро стал штатом Гуанабара. В плане с воздуха Бразилиа имеет очертания реактивного самолёта, устремлённого на запад, символизируя движение в сторону развития глубинных неосвоенных районов страны. На месте кабины этого лайнера находится президентский дворец, символически представляющий сосредоточение рычагов управления и власти. Законодательная и судебные ветви государственного правления размещены в крыльях лайнера, как двигатели, обеспечивающие его движение вперёд.

По замыслу его творцов и во многих отношениях по его исполнению этот город – город футуристический, город будущего, город, не имевший в мире аналогов. В нём многое удивляет своей новизной и необычностью по сравнению с другими привычными для нас городами. Там, например, нет перекрёстков, т.е. улицы не пересекаются друг с другом, а уходят в тоннели или поднимаются, чтобы избежать пересечения. Поэтому там не нужны светофоры, которые регулируют движение на перекрёстках. За исключением одной улицы, на которой сосредоточены самые крупные магазины, кафе, рестораны, кинотеатры и другие места массового пользования, в Бразилиа нет тротуаров и поэтому нет пешеходов. Предполагалось, что все должны ездить на машинах, о чём во время моего пребывания там свидетельствовало отсутствие в городе какого-либо общественного транспорта.

В Бразилиа в то время не было никаких других жителей, кроме государственных чиновников и тех, кто их обслуживал. Сами жилые кварталы были задуманы и построены так, чтобы до максимума избавить их обитателей от каждодневного перемещения по городу. Каждый жилой дом представлял собой огромный многоэтажный прямоугольный квартал, построенный по периметру вокруг соответственно огромного зелёного двора, оборудованного для отдыха взрослых и игр детей. В пределах каждого из этих домов находились магазины, рестораны, кафе, прачечные, кинотеатры, мастерские и прочие разнообразные заведения и службы, которые могут понадобиться жителям в их повседневных жизненных хлопотах и которыми здесь можно пользоваться, не выходя на улицу. Для всех прочих дел нужно было ехать на единственную торговую улицу, где, кстати говоря, всегда было очень оживлённо, – видимо, людям хотелось там окунуться в более привычную городскую жизнь.

Современная, скорее даже модернистская архитектура правительственных зданий и учреждений, расположенных в одной официальной части города, не может не поражать воображение и не вызывать восхищения. Лёгкий, ажурный президентский дворец Альвораду в окружении искусно выполненных в текучей форме бетонных колон и водных бассейнов, кажется, по желанию его гениального творца преодолел земное притяжение и парит в воздухе, заставляя каждого из смотрящих на него остановиться и задуматься, не веря глазам своим: неужели такое возможно? Необыкновенно интересны и здания двух палат Национального конгресса: соединённые вместе возвышающейся над ними прямоугольной структурой из стекла и металла их общего секретариата, они представляют собой две огромные чаши-полусферы, одна из которых – для верхней палаты – поставлена на своё основание, а

вторая – для нижней палаты – перевернута дном вверх. А какой взлёт мысли и воображения заложен в устремлённый к небу главный кафедральный собор, находящийся там же неподалёку, побуждающий каждого входящего обращать свой взор к всевышнему! Каждое сооружение здесь само по себе уникально, но все они удивительно гармонично сливаются в фантастическую симфонию единой архитектуры в завораживающем ожерелье строгого плана всего этого невероятного города.

По замыслу главных творцов новой столицы Бразилии в ней были предусмотрены и полузагородные кварталы с индивидуальными домами-виллами, построенными в соответствии с установленными ими требованиями, одно из которых предусматривало обязательное наличие на их территории сада или парка. Для того чтобы озеленить город, поднимавшийся среди совершенно голой красноватой саваны центрального бразильского плоскогорья, туда, из-за отсутствия дорог и его удалённости, весь травянистый дёрн, деревья и кусты перевозили на самолётах! Поскольку в этой жаркой и очень сухой местности, где влажность воздуха обычно составляет всего 30 %, не было никаких рек или водоёмов, было предусмотрено создать здесь огромное искусственное озеро путём проведения очень крупных гидростроительных работ, которые обеспечили приход воды из тех могучих бразильских рек, истоки или бассейны которых находятся в районе Центрального плоскогорья. Новая столица получила водную зону отдыха и пляжи. Трудно поверить, что вся эта колоссальная стройка в основном была совершена всего за пять лет.

То, что не было предусмотрено никем, возникло диким путём уже в ходе строительства этого чуда-города: фавелы, или бидонвилли. На его строительство сюда в поисках работы ринулись десятки тысяч рабочих-бедняков. Поскольку всё начиналось на голом месте, а рабочим нужно было где-то жить, они стали строить для себя крошечные лачуги, которые постепенно превратились в целый город, возникший ещё до появления новой столицы. Здесь среди них сначала в палатках, а затем в деревянных временках-сараях жили и архитекторы, инженеры и другие специалисты. Но после завершения основного строительства бедные рабочие за неимением других возможностей и будучи не в состоянии переехать в построенные их руками великолепные дома, остались жить в своих фавелах, которые составили для столицы страшный по нищете и грязи город-спутник, явившись живым укором её беспрецедентному модернистскому великолепию.

На большинство людей, привыкших к традиционному типу городов и городской жизни, Бразилиа, при всём её невероятно привлекательном физическом облике, производила впечатление безлюдного холодного города, в котором человек чувствует себя неуютно и отчуждённо. Здесь страшно интересно побывать, но, как кажется, не хотелось бы жить. Может быть, это обстоятельство объясняет тот факт, что сюда, в новую футуристическую столицу, никто не хотел переезжать. Ещё в 1966 году, когда я оказался в ней на международной конференции, то есть шесть лет после её инаугурации, здесь не было ни одного правительственного министерства. Все чиновники, начиная с министров и кончая рядовыми служащими, под всевозможными предлогами затягивали переезд сюда из обжитого и лёгкого Рио. К этому времени здесь находились лишь президент и обе палаты Национального конгресса, которые пребывали в городе только в рабочие дни, а на уикенды отправлялись в Рио или Сан-Паулу. В столице не было ни одного посольства, которые вслед за МИДом Бразилии стремились задержать переселение в новую столицу. Лишь несколько лет спустя волевым решением верховной власти правительственные учреждения были вынуждены неохотно начинать переезд.

Поскольку в Бразилиа тогда была всего только одна гостиница, а других подходящих помещений для проведения нашей конференции там ещё не существовало, мы все жили и работали в дорогом «Интерконтинентале». С учётом того, что это была вообще первая международная конференция в новой столице, бразильские организаторы делали всё возможное,

чтобы её участники остались всем довольны, а само мероприятие прошло успешно. Поэтому они устраивали частые приёмы, в свободное время организовывали экскурсии, приглашали вечерами на шоу и концерты, а в один из уикендов возили на далёкую ферму, где большое хозяйство очень эффективно вели японские эмигранты.

В Бразилии традиционно было много переселенцев из других стран, особенно из Португалии, Италии и Германии. Немцы быстро выдвигались в наиболее богатую прослойку населения, в частности в южных штатах страны, где они уже давно стали крупными землевладельцами и скотоводами. Сюда приехало немало русских и украинцев, с некоторыми из которых мне довелось познакомиться и даже побывать у них дома в гостях в Рио-де-Жанейро на обратном пути. Но и в новой столице на нашей конференции в качестве местных служащих работали одна красивая русская девушка, родившаяся в Рио, и один русский из Минска. Они все без исключения с большим интересом и благожелательностью относились ко мне — человеку из Советского Союза, предлагая советы и помощь.

Разговор с президентом – военным диктатором

Где-то недели через две после начала конференции некоторые послы – руководители делегаций получили приглашение на приём у президента страны. В то время главой государства был генерал Кастелу Бранку, пришедший к власти в 1964 году после переворота против законного, но для военных и правых групп слишком левого, президента Гуларта. В числе приглашённых оказался советский советник из представительства СССР при ООН в Нью-Йорке, прекрасный юрист-международник Евгений Насиновский и совершенно неожиданно я сам – единственный сотрудник Секретариата из тех, кто принимал участие в конференции.

Моё приглашение на этот приём было делом рук главы протокольного отдела МИД Бразилии обаятельного Жозе Лобу, который отвечал за проведении конференции. Я познакомился с ним и его красавицей женой Норой уже в первые дни этого мероприятия. В ходе работы и в свободное от работы время мы много общались. Жозе и Нора происходили из богатых и знатных семей, были прекрасно образованы и начитаны. Мать Норы была одним из самых известных скульпторов Бразилии, работы которой можно было видеть не только там же, в новой столице, но и на зелёном газоне у здания Секретариата ООН в Нью-Йорке. Её отец в те годы был послом Бразилии в Японии. Моё знакомство с этой великолепной парой и объясняет мое появление на узком приеме у президента страны.

Мы были приглашены в президентский дворец заблаговременно до начала приёма, чтобы иметь возможность познакомиться с большей частью этого гениального творения Оскара Нимейера. Любопытно в этой связи отметить, что сам Нимейер в это время был во Франции, работая над зданием ЦК компартии в Париже, поскольку с приходом к власти режима Бранку он был выслан из страны за открытую и активную принадлежность к коммунистической партии Бразилии. Интерьеры президентского дворца до подробностей, включая его меблировку, разработанные самим архитектором, как и его экстерьер, вызывали у посетителей искреннее восхищение своей поразительной простотой и элегантностью, были ли это зал приёмов, кабинеты, жилые комнаты, конференц-зал, помещения для отдыха или даже огромная кухня с самым современным оборудованием. Как объяснил нам проводивший экскурсию сам Жозе, любые перемены в интерьере дворца проводились только после телефонных консультаций с Нимейером. Гениальный зодчий был неприемлем для правого режима как политик и был отправлен в изгнание, но даже его идеологические противники относились к нему как архитектору с нескрываемым благоговением.

После завершения этой интереснейшей экскурсии по президентскому дворцу Оскара Нимейера нас пригласили в предусмотренное время в зал приёмов. В зале было два входа, и перед началом самого приёма, как сообщил нам Жозе, всей группе следовало встать в линию, поскольку президент хотел познакомиться с каждым участником и обменяться с ним рукопожатием. Ожидалось, что Бранку войдёт через правую дверь по отношению к линии гостей, и поэтому нас поставили в соответствии с протоколом по старшинству служебного положения, так чтобы самый важный из приглашённых был в этой линии первым. Так как я был самым младшим и по положению, и по возрасту среди всех остальных, мне надлежало встать в самом конце очереди.

Всего 2—3 минуты после формирования нашей линии, когда все взгляды были обращены к двери, через которую к нам должен был выйти президент, мы слышали шаги с совершенно противоположной стороны. Повернувшись ко второй двери, мы, к своему удивлению, увидели президента в сопровождении Жозе, входящими как раз там, где стоял я.

Остановившись передо мной вместе с президентом, Жозе, представляя меня, назвал мои имя и фамилию и затем по-португальски сказал президенту, что я участвую в конференции в качестве сотрудника международного Секретариата ООН в Нью-Йорке и что я

из Советского Союза. Услышав это представление, президент, который оказался ниже среднего роста толстеньким человеком, протянул мне руку и сказал по-португальски, что он рад моему участию на его приёме. Я в свою очередь на португальском поблагодарил господина президента за его любезное приглашение побывать на его приёме в его великолепном дворце. Услышав мой ответ по-португальски, президент выразил на лице немалое удивление и тут же спросил, где и сколько времени я изучал португальский язык. Получив мой ответ, он вдруг оживился и начал задавать новые вопросы чисто бытового характера: как давно я работаю в ООН, сколько времени нахожусь в Нью-Йорке, есть ли у меня жена и дети, приехала ли жена в Бразилию вместе со мной, изучают ли у нас в школах португальский язык, и ещё несколько подобных вопросов. Вместо представления и рукопожатия у нас получилась неожиданная короткая беседа.

Вся остальная очередь, не зная португальского, не понимала, о чём мы говорили, и главное, почему президент уделил мне столько внимания. Затем, как бы спохватившись, что нужно идти дальше, президент пожелал мне успехов и начал здороваться с другими участниками с помощью Жозе. Он прошёл остальную линию очень быстро, задержавшись на разговор только со стоявшим последним в очереди шведским послом, который был генеральным секретарем нашей конференции. После этого все направились в зал с накрытым для приёма а-ля фуршет столом, где президент, находясь всё время рядом с главой конференции, но отдельно от остальных гостей, обменялся с ним тостами соответственно за успех нашего общего мероприятия и за гостеприимство бразильского руководства. Пригубив бокал вина, президент покинул зал, оставив дальнейшее проведение приёма одному из своих старших сотрудников. Уже в ходе приёма ко мне подходили некоторые другие гости и спрашивали о моём разговоре с президентом, так как все были заинтригованы относительной продолжительностью нашей беседы. Несколько участников даже полагали, что мы с ним, видимо, были знакомы раньше.

За три недели работы конференции у меня появилось немало новых знакомых и друзей, особенно среди бразильцев, у которых сама экзотичность человека из СССР в моём лице, по всей вероятности, вызывала повышенный интерес, как это было почти повсюду на Американском континенте, а моё владение португальским языком, что их тоже удивляло, к тому же облегчало общение. Благодаря этому они меня часто приглашали в свои дома или в дома и квартиры своих друзей из тех, кто уже переехал в Бразилию, возили с собой на пикники и купание. Всё это позволило взглянуть на бразильцев и их страну как бы изнутри, увидеть устройство и течение их быта, услышать в разговорах с ними о тех проблемах, которыми живут они и их страна. Так как многие из моих бразильских коллег по работе на конференции были из Рио, то есть кариоки, то после её завершения и нашего возвращения в старую столицу мне довелось побывать в их домах или квартирах и там. Вместе с ними и их друзьями для меня оказалось возможным увидеть не знакомые по первому посещению Рио роскошные виллы, музеи, частные клубы и другие новые интересные места, что существенно расширило мои представления и знания об этом необыкновенном городе. С рядом из них мы потом поддерживали переписку. С одной парой и одним из сотрудников местного МИДа мы потом неоднократно встречались в Нью-Йорке, куда супружеская пара приезжала по делам мужа, а сотрудник министерства был назначен генеральным консулом Бразилии.

После ещё трёх дней в Рио-де-Жанейро я направлялся в столицу Венесуэлы Каракас. При регистрации на аэродроме в Рио я оказался в очереди за одним молодым американцем, у которого возникла проблема с перевесом багажа. Поскольку у меня был всего один довольно лёгкий чемодан и авиасумка, я предложил засчитать его перевес за мой багаж, что и было сделано. Американец был очень обрадован предложенным мной решением проблемы с его перевесом, искренне меня благодарил, и в итоге мы с ним познакомились.

Джефф оказался научным сотрудником Гарвардского университета. Он совершал продолжительную поездку по ряду стран Южной Америки с целью записи на магнитофон языков некоторых небольших племён индейцев для пополнения лингвистической фонотеки своего университета и их исследования. В его багаже было уже много произведённых записей и два увесистых магнитофона, которые иногда и вызывали проблему перевеса, если в аэропортах попадались строгие регистраторы. Его поездка и работа меня заинтриговали, и мы продолжили нашу беседу по этой теме до посадки в самолёт, в котором оказалось много свободных мест, что позволило нам сесть вместе. Он очень удивился, что я был из Советского Союза, и много меня расспрашивал про нашу страну. Он собирался пробыть в Каракасе три дня как турист, а затем отправиться к индейцам в глубины обширной Венесуэлы. Так как я тоже планировал отвести на Каракас столько же дней, мы решили делать это вместе: советский и американец дуэтом.

По пути в Венесуэлу самолёт сделал двухчасовую остановку в бразильском городе Белеме в устье самой большой реки мира – могучей Амазонки. О колоссальной силе и размере этого водного гиганта свидетельствует, помимо прочих, и такой факт, что находящийся в её устье остров Маражо по своей площади превосходит Швейцарию. Устье Амазонки было открыто в 1500 году тем же самым Висенте Пинсоном, который был первым европейцем, побывавшим на берегах сегодняшней Бразилии. Благодаря невероятной силе её течения Амазонка выбрасывает свои пресные воды на десятки километров от берега океана, что и побудило Пинсона назвать её рекой «Санта-Марии Пресного Моря».

Первое, и совсем не преднамеренное, плавание по ней проделал конкистадор Ф. де Орельяна, который в качестве заместителя Педро Писарро – тогдашнего правителя Эквадора – в 1541 году совершал вместе со своим отрядом экспедицию из этой страны в поисках легендарного Эльдorado. После бесплодного и тяжелейшего перехода через отроги Анд и болотистые джунгли экспедиция оказалась на грани гибели от голода и тропических болезней, что побудило П. Писарро согласиться на предложение Орельяны ему самому со своим отрядом отправиться на поиск индейских поселений, где можно было бы найти продукты питания.

Построив два небольших судна, отряд Орельяны отправился в плавание по реке под названием Мараньон. Несколько дней спустя, так и не найдя пропитания, этот отряд смельчаков был захвачен мощным водным потоком при впадении Мараньона в другую более крупную реку. Её течение было настолько сильным, что испанцы не могли противопоставить ему силу своих вёсел, чтобы подняться назад вверх по течению. Вся окружающая их местность представляла собой совершенно непроходимые топкие болота, лишая их возможности возвращения к своим по суше. Оставалось одно – плыть вместе с мощным течением вниз в поисках еды и спасения у индейцев. Большая часть прибрежных племён оказалась очень воинственной и часто преследовала путешественников вдоль берегов, засыпая их дождём стрел, в том числе и отравленных.

В некоторых случаях в ряде встречавшихся племён наиболее смелыми и решительными проявляли себя женщины, воевавшие рядом с мужчинами. Общаясь с более мирными индейцами, Орельяна, который отличался удивительными языковыми способностями и старался усвоить языки местного населения, составляя даже специальный словарь, слышал от них, что глубже в джунглях от берегов реки жили поселения женщин, которые были очень воинственными и которые принимали у себя мужчин только раз в год. Эти рассказы вызывали у испанцев ассоциации с мифическими амазонками и подтверждали для них подлинность содержания древних мифов на этот счёт. Проложив около шести с половиной тысяч километров по постоянно вбиравшей в себя новые притоки реке и пережив страшный голод и опасности, после почти 10 месяцев от начала плавания, Орельяна с остатками своих людей вышел из устья этой громадной реки в океан и вдоль берегов континента поднялся на север,

где они затем встретили на одном из островов у побережья Венесуэлы своих соотечественников.

Среди отряда Орельяны был монах Карвахаль, потерявший в этой аванюре один глаз от стрелы индейца. Карвахаль оставил довольно подробное описание плавания по самой многоводной реке мира, где он рассказал и о женщинах-амазонках, с которыми им пришлось столкнуться во время путешествия. О них же упоминал в своём письме королю об открытии огромной реки и сам Орельяна, который в этой связи просил своего суверена дать ему разрешение на исследование и завоевание огромных земель в её бассейне. Однако, оказавшись в Мадриде со своим ходатайством, Орельяна предстал перед судом в связи с обвинениями П. Писарро в бегстве, которое привело к гибели многих его людей по экспедиции в поисках Эльдорадо. Герой путешествия в итоге судебного процесса был оправдан и получил разрешение короля на новую экспедицию в район Амазонки, которая закончилась полным провалом и в ходе которой умер и сам Орельяна. Некоторое время после открытия им этой новой реки она носила название Мараньон по имени её истока, но после смерти её первопроходца её стали называть Орельяна. Однако со временем более романтическое и мистическое имя «Амазонка» заменило его на картах и в описаниях...

Мне оказалось возможным видеть воды и берега Амазонки лишь из недалеко находившегося от неё аэропорта и с борта самолёта при посадке и взлёте.

В государстве «Маленькая Венеция»

Через несколько часов после вылета с берегов Амазонки мы с Джеффом приземлились в международном аэропорту венесуэльской столицы Майкетия...

Венесуэла была открыта великим Колумбом в 1498 году, который обследовал её побережье во время своего третьего плавания в Новый Свет. В следующем году более тщательное исследование берегов этой земли провёл бесстрашный и блистательный любимец королевы Изабеллы Алонсо Охеда, который до этого принял участие во втором плавании Колумба и был оставлен адмиралом Океан-моря на главной базе испанцев на острове Эспаньола (сегодняшние Доминиканская Республика и Гаити) в качестве её управляющего. Как и ряд других выдающихся спутников Колумба по его первым плаваниям, Охеда, стремясь к собственным открытиям и связанным с ними славой и богатством, организовал свою экспедицию в новые земли, которая и привела его к берегам Венесуэлы. Исследуя её побережье, Охеда наткнулся на очень большое озеро – залив Маракайбо, где местные индейцы строили свои хижины на сваях его мелководья, передвигаясь между ними на лодках с помощью багров. Эта картина напомнила испанцам итальянскую Венецию, и они назвали данную местность Венесуэла, что по-испански означает «Маленькая Венеция».

В течение около пятидесяти последующих лет испанцы почти не проводили колонизацию этой территории, ограничивая свою деятельность лишь её северо-восточной частью, где они занимались охотой за рабами на побережье и поиском жемчуга в водах близлежащих островов. Лишь в 1520-х годах здесь возникло первое испанское поселение. В конце этого десятилетия император Карл V, желая хотя бы частично расплатиться с долгами, которые он накопил у банкиров дома Вельзера в Аугсбурге, передал в их распоряжение северо-западную часть этой большой земли, где немцы начали осуществлять экспедиции в поисках ценных металлов и камней. Одна из таких экспедиций под руководством Николауса Федерманна, как об этом рассказывалось в разделе о приключениях в Колумбии, вышла по притокам Ориноко в долину Боготы. Немцы вели здесь свои поиски почти до конца XVI века, но ничего существенного не нашли, и тогда же эта территория снова вернулась под контроль испанцев.

Во второй половине того же столетия испанцы начали более широко основывать в Венесуэле поселения и религиозные миссии. В 1567 году в день святого Якова (Сантьяго) на месте сожжённого поселения индейцев племени каракас Диего де Лосада основал город под названием Сантьяго-де-Леон-де-Каракас, а к концу XVI века в венесуэльских Андах и вдоль карибского побережья насчитывалось уже более 20 испанских поселений. Глубинные области страны в последующие два века осваивались в основном миссионерами. Всё её побережье и сама столица длительное время подвергались налётам и грабежам английских, французских и голландских пиратов. В 1577 году Каракас стал резиденцией испанского губернатора, а с 1777 года её сделали столицей генерал-капитанства Венесуэла.

В течение большей части колониального периода Венесуэла оставалась в административном подчинении у соседних территорий. Сначала она находилась под юрисдикцией Санто-Доминго, а затем была передана под контроль вице-короля Новой Гранады. Её удалённость от центров колониальной власти содействовала более высокой местной автономии. Это обстоятельство в определённой степени объясняет тот факт, что война за независимость испанских колоний в Америке началась именно в Венесуэле. Воспользовавшись захватом Испании Наполеоном, народное восстание в Каракасе в 1810 году положило начало войне за независимость, а через год Венесуэла была объявлена республикой. Однако уже в 1812 году армия идеолога независимости страны Франсиско Миранды, потерпев военное поражение, капитулировала, а власть Испании была восстановлена.

Но всего год спустя сторонники независимости во главе с блестящим полководцем Симоном Боливаром возобновили войну за освобождение. Боливар до этого провёл немало лет в Европе, где он стал очевидцем коронации Наполеона, провёл некоторое время и в столице России, ведя повсюду, как это делал его учитель Миранда в Англии и США, работу в пользу освобождения своей страны от испанского господства. Он руководил страшно кровавой и разрушительной войной против Испании до её победного завершения в 1821 году. К этому времени страна потеряла почти четверть своего населения, её экономика была полностью разрушена, а общество стояло на грани дезинтеграции. В течение девяти лет Венесуэла вместе с освобождёнными тем же Боливаром Колумбией и Эквадором входила в состав Республики Великая Колумбия, но против желания её освободителя сторонники полной самостоятельности Венесуэлы во главе с генералом Хосе Паесом взяли верх и объявили её отдельным государством.

Последующая история Венесуэлы характеризовалась длинной вереницей военных переворотов и диктатур, сменявших друг друга и избранных президентов. Её экономика строилась на скотоводстве, производстве сахара, табака и кож, находившихся в руках крупных латифундистов. Во втором десятилетии XX века здесь началась добыча нефти, которую вели иностранные компании, и уже к 1928 году Венесуэла стала её вторым мировым производителем и первым экспортёром, что стало важнейшим фактором её последующего развития.

Военные перевороты продолжались там и после Второй мировой войны вплоть до наших дней. Хотелось бы в этой связи привести два любопытных примера. Так, на выборах в 1947 году на пост нового президента подавляющим числом голосов был избран самый крупный писатель страны, заслуженно пользовавшийся мировой известностью, особенно за роман «Донья Барбара», Ромуло Гальегос, которому удалось продержаться в этом качестве всего девять месяцев, когда он был отстранён от власти очередным военным переворотом. В январе 1991 года в ООН состоялся первый в истории саммит Совета Безопасности, в котором в качестве его непостоянного члена принимала участие и Венесуэла в лице её тогдашнего президента Переса. Меня как испаноговорящего сотрудника политического департамента Секретариата назначили сопровождать президента Венесуэлы в ходе саммита. На другой день, уже находясь на научной конференции в Монреале, я услышал в телевизионных новостях сообщение о том, что президент Перес был свергнут в результате военного переворота, во главе которого стоял генерал Уго Чавес. Тогда Чавес не удержался у власти, но после того, как он завоевал пост президента на последующих выборах, против него был тоже устроен переворот, когда Чавес был арестован, но через несколько дней сумел вернуться в президентский дворец благодаря решительной поддержке своих сторонников...

Прибыв в Каракас, мы с Джеффом решили остановиться в одной гостинице, что было удобнее для наших совместных экскурсий по городу. При регистрации в отеле оформлявший для нас номера администратор не мог поверить, узнав, что я из Советского Союза. В Венесуэле, что случалось почти повсеместно в Южной Америке, появление человека из СССР в те годы воспринималось почти как приземление инопланетянина. Вместо того чтобы нормальным порядком завершить процедуру регистрации, администратор, несколько растерявшись, отправился сообщить об этой «сенсации» своему начальнику, который через пару минут возник перед нами вместе с 5—6 своими сотрудниками с радостными словами приветствий и удивления: никто из них никогда русских из Советского Союза не видел. После короткого сеанса их вопросов и моих ответов относительно СССР, ООН и плана посещения Каракаса главный управляющий распорядился предоставить мне один из лучших номеров по цене зарезервированной мной ранее комнаты, выразив при этом готовность оказать всяческое содействие в организации экскурсий и ознакомлении с городом.

В этой суматохе вокруг меня Джефф с большим любопытством наблюдал за всем происходящим, ожидая своей очереди на регистрацию по соседству в кресле вестибюля. Когда со мной было закончено, я представил столпившимся вокруг прилавка венесуэльцам своего нового американского друга, что вызвало в них ещё одну волну изумления: советский и американец как друзья путешествуют вместе в их стране! В атмосфере этого эмоционального ажиотажа наконец-то оформили и Джеффа, предоставив ему такой же, как и мне, номер и за ту же цену. Все были очень довольны. После короткого отдыха мы с Джеффом отправились обедать и осматривать город, получив предварительно самые полные сведения относительно местных ресторанов и прогулки по Каракасу от администратора гостиницы.

Столица Венесуэлы расположена в очень красивой узкой долине, окружённой с двух сторон отрогами гор и большой впадиной с западной стороны на высоте почти 1000 метров над уровнем моря. Приятный и здоровый климат дал Каракасу известность как «городу вечной весны». В соответствии с традицией колониальных времён его старая часть сохранила правильную сетку улиц. Уже к началу XIX века очень сильные землетрясения разрушили большую часть зданий и узких, мощёных камнем улиц, которые когда-то являли собой лицо этого города. Одно из сохранившихся строений XVII века – собор, находящийся на его центральной площади Пласа Боливар. Вызывало удивление большое число новых больших зданий лёгкой современной архитектуры, обилие прекрасных дорог и магистралей, парадных ансамблей деловых офисов и учреждений, жилых комплексов и даже двух башен-небоскрёбов.

За время нашего пребывания нам удалось посетить основные достопримечательности Каракаса, в том числе Музей изящных искусств, построенный Оскаром Нимейером, Национальный пантеон, Капитолий, Музей Боливара и его Дом-музей, Музей колониального искусства и университетский городок. При строительстве расширяющегося Каракаса за последние десятилетия в него прибывали массы рабочих, которые плотно заселили окружающие его холмы, создав здесь целые поселения трущобных лачуг, остающихся спутниками этого в целом современного и красивого города, несмотря на серьёзные усилия правительства разместить их население в благоустроенных и недорогих домах. Особенно интересными для меня были посещения Музея и Дома-музея Симона Боливара, где сохранилось много личных вещей этого освободителя большей части испанской Южной Америки, документов, связанных с его яркой и довольно короткой жизнью, блистательными военными походами и политической деятельностью, а также трагической смертью на карибском побережье Колумбии.

Три насыщенных дня пребывания в Каракасе подошли к концу. Мы по-дружески попрощались с Джеффом, которого ждало интересное путешествие к индейцам, а я, завершая свою необыкновенно увлекательную поездку с приключениями по Мексике и Южной Америке, возвращался к семье и работе в Нью-Йорк, обогащённый новыми знаниями и богатейшими впечатлениями.

Однако рассказанное выше получило свое продолжение, когда через некоторое время я вновь оказался в Южной Америке, где меня ждали новые необыкновенные приключения...

Снова в Бразилии, но с задержанием

...Три года спустя меня направили вновь на международную конференцию в Южную Америку. На этот раз её проводили в столице Чили. Вместе со мной на неё же ехали ещё двое моих коллег – мой товарищ Евгений Кочетков и англичанин Стивен. Мы решили путешествовать вместе и согласовали наш маршрут: Рио-де-Жанейро, Монтевидео, Буэнос-Айрес, Сантьяго, а на обратном пути Гуаякиль и Кито в Эквадоре. Исходя из этого плана, мы стали заказывать необходимые визы, хотя, как оказалось, нашему английскому коллеге визы требовались не везде.

На одной из наших довольно частых встреч с моим бразильским другом Зезиньо де Андраде, который к этому времени стал генеральным консулом своей страны в Нью-Йорке, я сообщил ему о моей поездке и намерении снова побывать в Рио, упомянув, что я и мой советский спутник собираемся через паспортную службу ООН подать бумаги для получения бразильской визы. Услышав об этом, Зезиньо заверил меня, что для моего коллеги он ускорит получение его визы через свой МИД, а что для меня виза будет не нужна, так как он договорится об этом с Консульским управлением министерства, которое даст соответствующее указание службе паспортного контроля в аэропорту Рио. Получив эти заверения, я не стал подавать визовую заявку для въезда в Бразилию и в назначенный день вылетел туда с моими коллегами без визы.

В Рио-де-Жанейро мы прибыли около шести утра в невероятно жаркую погоду, что мы сразу же ощутили, выйдя из самолёта на лётное поле. В здании терминала шёл капитальный ремонт, воздушное охлаждение не работало, а во всех ремонтируемых помещениях было нелегко разобраться. Когда мы добрались до стойки паспортного контроля, мои коллеги пропустили меня вперёд на тот случай, чтобы меня поддержать, если у меня возникнут проблемы из-за отсутствия визы.

Я подошёл к пограничнику и, подавая свой паспорт ООН, любезно поприветствовал его на португальском языке. Увидев, что я иностранец, он также любезно ответил мне традиционным «Добро пожаловать в Бразилию», но уже через 2—3 минуты после внимательного изучения моего паспорта он, видимо, понял, что с этим приветствием он несколько поспешил. Не найдя среди массы других виз на страницах паспорта бразильскую визу, чиновник спросил меня, где она проставлена. Мне пришлось ответить, что визы у меня нет, и дать целое объяснение со ссылками на разговор с генеральным консулом Бразилии в Нью-Йорке и на его заверения, что моё разрешение на въезд в страну будет передано через МИД на паспортный контроль аэропорта. Выслушав с изрядной долей недоверия мой рассказ, пограничник сказал, что никакого указания на мой счёт он не получал и что со мной нужно будет разбираться отдельно.

Поскольку в этот ранний час был только один прибывший самолёт, и этот служащий был один на проверке паспортов, за мной выстроилась длинная очередь, нетерпеливо ожидавшая выхода в город после утомительного многочасового перелёта. Чтобы пропустить остальных пассажиров, чиновник попросил меня выйти из очереди и встать за условную открытую загородку, видимо, специально предусмотренную для тех, кто оказывался в подобной ситуации. Я переместился в указанный мне отсек, освободив место для моих спутников. Каждый из моих коллег, пройдя проверку, пытался подтвердить правдивость моего объяснения, но это не помогло. Проявляя дружескую солидарность, и за отсутствием другого места, мои спутники встали за загородку вместе со мной, ожидая разрешения моего положения. Когда все пассажиры прошли, пограничник подошёл ко мне и, задав ещё несколько уточняющих вопросов относительно цели моего приезда в Рио, о месте моей работы и дальнейшем маршруте, сказал, что он должен доложить обо мне своему начальству, и ушёл.

Мы остались ждать его за загородкой. Прошло минут 20—30, но никто не появлялся. Тогда я решил пойти разыскивать этого пограничника или какого-нибудь начальника сам. Так как никаких других барьеров для моего выхода из-за загородки дальше не было, я оставил моих коллег заложниками и направился во внутренние помещения терминала. Все пассажиры к тому времени его покинули, а служащих аэропорта почти не было видно. Миновав несколько пустых помещений, я обратился к проходившему человеку в форме с просьбой сказать мне, где я могу найти какого-нибудь ответственного сотрудника службы паспортного контроля. Служащий, улыбаясь, сообщил мне, что в это время я могу найти почти любого начальника и сотрудника в кафетерии, где сейчас все пьют кофе. Он добавил, что видел нужного мне человека только что там, и объяснил, за каким столом он сидит и как выглядит. Вооружённый этой важной информацией, я направился прямо в кафетерий.

Следуя полученным описаниям, я подошёл к столу, за которым должен был бы находиться нужный мне начальник, и увидел здесь того служащего, который меня задержал на контроле. Он, по всей вероятности, или обо мне забыл, или не спешил с обсуждением моего дела со своим руководителем, так как, узнав меня и при этом совершенно не удивившись моему появлению в кафетерии, стал только теперь ему обо мне рассказывать. Начальник службы тут же предложил мне сесть за их стол и заказал мне кофе. Он выслушал сообщение своего подчинённого о моём деле, во время которого тот отметил моё задержание в специальном отсеке за загородкой. Однако начальник службы в свою очередь тоже не спросил меня, почему я покинул место моего задержания и пришёл к ним в кафетерий. Вместо этого, явно заинтересовавшись скорее моей личностью как советского человека, нежели проблемой моей попытки незаконным образом въехать в Бразилию, он стал расспрашивать меня о России, о нашей жизни, о моей работе, об ООН и всяких прочих банальных вещах. Исчерпав свой интерес в таких общих вопросах, он поделился комментариями в отношении моего рассказа со своим подчинённым, а потом, оставшись, видимо, довольным нашей беседой и словно спохватившись, вернулся к главному вопросу нашей неожиданной встречи.

Начиная обсуждение моего дела, начальник службы паспортного контроля принял вдруг серьёзный вид и перешёл на холодный тон бюрократа, рассматривающего дело о нарушении закона страны. Констатируя факт правонарушения с моей стороны, он проиллюстрировал его соответствующей выдержкой из книжки, которую он, по всей вероятности, на службе всегда носил с собой, где чёрным карандашом была подчёркнута предусмотренная в таких случаях мера наказания: штраф в размере нескольких сот долларов или до 5 суток тюремного заключения с последующей высылкой из Бразилии самолётом бразильской авиакомпании в более отдалённую после ближайшей по маршруту страну. Зачитав это наказание, начальник службы паспортного контроля передал книжку мне для прочтения меры наказания собственными глазами.

Я удостоверился в истинности этого положения и спросил моего собеседника, нельзя ли что-то сделать в порядке моего наказания по-другому с учётом всей истории и того факта, что я уже бывал в Бразилии раньше и даже имел честь быть на приёме во дворце президента страны и беседовать с ним. Надо сказать, что ссылаясь на президента-генерала заинтересовала начальника службы, так как он сразу смягчил тон и, услышав ответы на свои уточняющие вопросы по этому факту, задумался над тем, как со мной поступить, и снова заглянул в сборник законоуложений. Затем он поднял на меня свой взгляд и с полусерьёзным видом сказал, что у него есть для меня предложение. Я весь напрягся для заслушивания моего возможного приговора и в поисках молчаливой поддержки взглянул на задержавшего меня служащего аэропорта.

Закурив очередную сигарету, начальник сообщил мне, что, принимая во внимание все смягчающие обстоятельства, он разрешит мне въезд в Рио-де-Жанейро без права выезда за черту города на три дня вместо планировавшихся мной пяти при условии, что я дол-

жен будут выехать из Бразилии не на американской авиакомпании согласно моему билету, а на бразильской, и вместо более близкого Монтевидео в Уругвае мне нужно будет лететь в Буэнос-Айрес. В случае нарушения этой договорённости будет применено по крайней мере то наказание, от которого меня тогда освобождали, то есть до 5 дней тюрьмы или денежного штрафа. Я с готовностью согласился на такой серьёзно смягчённый вариант моего наказания, тут же получил соответствующий штамп в моем паспорте, переданном мне задержавшим меня служащим, горячо поблагодарил обоих бразильцев за проявленное ко мне снисхождение и быстро направился в отсек задержания, где меня уже ждали мои коллеги, гадавшие всё это время, что со мной происходит и чем кончится вся эта авантюра. Услышав моё сообщение о вердикте бразильских властей, они не могли поверить, что мне удалось так легко выпутаться из этой истории.

Получив чемоданы, мы должны были ещё задержаться за прилавком бразильской компании «Вариг», где мне следовало переделать мой билет согласно состоявшейся договорённости на Буэнос-Айрес. Мой друг Евгений решил разделить со мной вынесенное мне наказание и переделать свой билет тоже, чтобы продолжать наше путешествие вместе, но Стив предпочёл не менять первоначальный план и остаться в Рио на пять дней. Оформив новый маршрут, мы поехали в свою гостиницу на Копакабане и, разместившись, сразу направились на пляж. В гуляньях и в туристских поездках по городу наши с Женей три дня в великолепном Рио пролетели невероятно быстро, и наступило утро нашего вылета в Буэнос-Айрес.

Подойдя к огромному табло с расписанием вылетов самолётов в аэропорту Рио до прохождения регистрации, мы заметили, что наш наказательный рейс в Буэнос-Айрес отправлялся минут на 40 позже нашего изначально запланированного ежедневного рейса «Панамэрикан» в Монтевидео. Меня посетила дерзкая соблазнительная мысль переоформить наши билеты снова на Монтевидео и избежать пролёта мимо него на пути в Буэнос-Айрес, а затем нового перелёта в обратном направлении в столицу Уругвая, что к тому же было связано не только с лишними неудобствами, но и с необходимостью покупки дополнительных билетов из Аргентины в Уругвай и обратно. Я поделился этим планом с Женей, который после некоторых размышлений пришёл к выводу, что так было бы значительно лучше, за исключением неопределённости относительно невыполнения мною договорённости со службой паспортного контроля аэропорта и связанными с этим возможными неприятными последствиями.

Мы конспиративно оглянулись вокруг, изучая глазами людей в форме, пытаюсь определить присутствие среди них тех служащих, которые имели со мной дело три дня тому назад. Не увидев никого из них, мы решили, что их на выезде и не должно быть, поскольку они занимались паспортным контролем при прибытии пассажиров. Обрадовавшись сделанному нами выводу, мы решительно направились к прилавку «Пан Американ» и, вновь убедившись, что моих опекунов или каких-либо стражей порядка в форме вокруг не было, переделали билеты на Монтевидео, сдали чемоданы и направились к выходу на только что объявленную посадку.

От терминала к самолёту нужно было идти пешком метров 150, и, смешавшись с толпой других пассажиров нашего рейса на лётном поле, мы начали между собой весело комментировать нашу удачу в обход договорённости с паспортной службой аэропорта. Мы остановились у подножия трапа для входа в самолёт, ожидая своей очереди, когда я вдруг почувствовал, что какая-то мощная сила мгновенно подняла меня вверх за шею вместе с воротником рубашки и стала разворачивать всё моё тело в сторону оставшегося сзади терминала. Когда мои глаза оказались с той стороны, где до этого стоял в очереди Женя, я, к своему ужасу, увидел, что он, подобно мне, тоже висит приподнятый за шею в воздухе чьей-то могучей рукой. Приземлившись на ноги и потирая сдавленные молниеносной операцией шеи, мы увидели около себя двух громадных негров-великанов, которые дуэтом уже выражали нам своё возмущение нашим безобразным поведением, хотя фактически оно должно

было бы касаться меня одного, но из-за солидарности отразилось и на совершенно невинном Евгении. Дав нам полминуты отдышаться от применённого силового приёма, бразильские гренадёры, снова взяв нас за шиворот, но уже гораздо мягче, направились вместе с нами обратно в терминал, вызывая нескрываемое удивление других шедших к нашему самолёту пассажиров и служащих аэропорта.

Доведя нас таким способом до какой-то комнаты в здании терминала, они нас отпустили перед незнакомым нам человеком в форме, сидевшим за скромным письменным столом. Предложив нам сесть, незнакомец поблагодарил наших часовых и попросил их подождать нас в коридоре. Без всяких проволочек он сразу же перешёл к изложению в мой адрес претензий паспортной службы в связи с нарушением нашей договорённости относительно вылета в Аргентину на самолете бразильской авиакомпании и напомнил мне о возможном применении первоначально отменённой меры наказания штрафом или 5 днями тюремного заключения.

Я сразу сказал, что поскольку мы должны через несколько дней быть на конференции ООН в Чили, я бы предпочёл заплатить какой-то штраф, хотя денег у меня было немного, и они были мне нужны для проживания в Сантьяго и на обратный путь. Услышав про ООН, служащий аэропорта спросил про конференцию, про саму эту Организацию и даже про Советский Союз. Отвечая с облегчением на его вопросы, я даже умудрился упомянуть о моём предыдущем посещении Бразилии и о встрече с президентом Бранку в его президентском дворце в столице Бразилиа в расчёте показать отсутствие с моей стороны злого умысла по отношению к стране и смягчить ожидаемое наказание. Весь этот разговор продолжался минут 10—12.

Я посмотрел на часы, прикидывая, сколько времени оставалось до вылета самолёта «Пан Американ», в который уже должны были погрузить наши чемоданы. Мой собеседник, поймав мой взгляд, тоже посмотрел на часы и сказал, что до переоформления наших билетов в Буэнос-Айрес на «Вариг» остаётся не так много времени, и что билеты мы будем перede- лывать в присутствии тех же двух охранников, которые доставили нас к нему. «На первый раз, — подчеркнул он, улыбаясь и поднимаясь из кресла с протянутой для пожатия рукой, — мы вас прощаем. Счастливого пути в Аргентину на “Вариге”. У нас хорошая авиакомпания, вам должна понравиться. До свидания». Доброжелательно попрощавшись, служащий вызвал наших часовых и инструктировал их проводить нас для переоформления билетов. Я не мог поверить своим ушам, что снова отделался так легко от местных властей, и что обошлось даже без штрафа. Уже в дверях я вспомнил про наш багаж, сданный на «Пан Американ», но наш хозяин заверил нас с лукавой улыбкой, что наши чемоданы до самолёта этой компании не дошли и ждут нас за прилавком «Варига» для оформления на Буэнос-Айрес.

В сопровождении двух гренадёров, как две важные персоны, мы прошествовали к стойке бразильской авиакомпании, переоформили билеты в соответствии с полученными указаниями и убедились, что наши чемоданы едут с нами в Буэнос-Айрес. Почти сразу же мы отправились на посадку под наблюдением наших часовых, которые расстались с нами только у самого трапа, когда мы начали подниматься по нему в самолёт.

При входе в салон самолёта нас ожидали два сюрприза. На первом же кресле первого ряда сидел наш аргентинский коллега по Секретариату Карлос дель Пьерре, который летел из Нью-Йорка на ту же конференцию в Чили, что и мы, но с заездом на несколько дней на свою родину в Мендосу на самом западе Аргентины. Второй сюрприз уже играл и танцевал по всему салону самолёта. Оказалось, что мы попали на частичную репетицию концерта тогда очень популярного испанского певца Рафаэля, который вместе со своими музыкантами и подпевающими ему красивыми девушками летел с концертами в Аргентину. Их первое выступление должно было состояться сразу после прилёта в Буэнос-Айрес прямо на большой площади перед терминалами аэропорта. Пользуясь часовой остановкой самолёта

в аэропорту Рио, группа Рафаэля решила провести репетицию перед прилётом в столицу Аргентины. Так что наш полёт в Буэнос-Айрес начался с весёлого концерта, который иногда возобновлялся во время почти всего полёта, правда, уже без танцев в коридоре между рядами. Впереди нас ждала «Страна Серебряная» – родина Сан-Мартина, танго и Че Гевары.

«Страна серебряная»

Название страны «Аргентина» непосредственно связано с серебром как по самому значению этого слова (от латинского *argentum* – серебро), так и по истории поиска этого металла в занимаемой ею части Южной Америки – название, которое в ходе становления данного государства несколько раз менялось, но сохраняло при этом упоминание о серебре...

...Среди историков до сих пор нет единого мнения относительно того, кто первым из европейцев побывал на берегах сегодняшней Аргентины. Одни считают, что пальма первенства в этом открытии принадлежит Америго Веспучи, который во время плавания вдоль Южноамериканского континента в 1501—1502 годах заходил на своих каравеллах в огромное устье Ла-Платы. Другие специалисты приписывают эту честь испанскому мореходу Хуану Диасу де Солису, который в 1516 году поднялся вверх по этой невероятно широкой в самом нижнем её течении реке, что и побудило его назвать её «Пресным морем». В ходе этой экспедиции Солис и большая часть его команды погибли в результате нападения на них местных индейцев, некоторые пропали в этой дикой местности, и лишь немногим удалось вернуться домой в Испанию. Возможно, Америго Веспучи и не бывал у берегов Аргентины, но история доподлинно свидетельствует о том, что он сыграл важную роль в направлении экспедиции Солиса, а четыре года спустя – и эпохального плавания самого Магеллана в поисках пролива из Атлантики в Тихий океан у берегов Южной Америки. Магеллан зарегистрировал своё посещение «Пресного моря» в 1520 году, а в 1526 году подробным исследованием этого обширного речного бассейна занялся великолепный мореплаватель и первопроходец Себастьян Кабот.

Во время плавания в местных водах группа Кабота на острове Катарина наткнулась на двух выживших членов экспедиции Солиса, которые своими рассказами о несметных богатствах здешних земель распалили еще больше уже и без того возбуждённое воображение своих соотечественников, которые усматривали в нахождении драгоценных металлов и камней главную цель своих опасных и трудных заморских авантюр. Следуя из «Пресного моря» вверх по течению незнакомой широкой реки, Кабот открыл ещё два ее огромных притока, которые индейцы самого крупного в этом районе племени гуарани называли соответственно Парана и Парагвай. В этой местности он решил заложить опорный пункт под названием Санкти-Спиритус (Святой Дух). В сих донесениях императору Карлу V Кабот, опираясь на собранные сведения, щедро расписывал богатства открытых им новых земель, в которых якобы находилась целая серебряная гора и жили невероятно богатые люди, в подтверждение чего он посылал в Испанию образцы найденных там серебряных изделий. Это были сообщения, которых с нетерпением ждал и сам глава Великой Римской империи, накопивший массу долгов из-за своих бесконечных войн с Францией и турками. На основании этих оптимистических описаний Карл V решил учредить в этом богатом крае пограничную провинцию (аделантазо) под названием Рио-де-Ла-Плата по имени главной реки, которое он же и присвоил ей – Ла-Плата, что по-испански значит «серебро».

Надо сказать, что заход Кабота вверх по Ла-Плате и её притокам был серьёзным отклонением от того маршрута, которому он должен был следовать изначально: пройти вслед за Магелланом из Атлантики в Тихий океан к островам Пряностей Индонезийского архипелага. Однако рассказы о больших богатствах внутренних областей континента за Ла-Платой и связанные с ними надежды на возможности быстрого обогащения себя и короны оправдывали в глазах Кабота и многих других первооткрывателей подобные изменения их планов. Продолжая поиски неуловимых богатств, экспедиция Кабота застряла в этих краях на целых три года, когда при подготовке к очередному походу в поисках легендарного местного Эльдорадо под названием «очарованного города Цезарей» его форт Санкти-Спиритус был

сметён при нападении индейцев, а он с остатками своего отряда был вынужден отплыть в Испанию.

Несколько лет спустя Франсиско Писарро успешно завоевывает богатейшую империю инков, посылая невиданные потоки золота и драгоценностей в королевскую казну из глубин Южной Америки и разжигая аппетиты обретения богатства и славы в её ещё не открытых или не освоенных землях у многих испанских аристократов и бедняков. В 1535 году представитель одного из самых именитых и богатых родов Кастилии Педро де Мендоса добивается разрешения Карла V на снаряжение за свой собственный счёт самой крупной экспедиции в Новый Свет с целью заселения земель бассейна Ла-Платы и защиты их от посягательств Португалии со стороны её расширявшихся владений в Бразилии. Именно Мендосе выпала честь основать в 1536 году на южной стороне устья Ла-Платы поселение под длинным церковным, как тогда было принято у католиков, названием «город Нашей Богоматери Святой Марии Доброго Ветра» (*Nuestra Señora Santa Maria del Buen Aire*), или Буэнос-Айрес. Однако отсутствие снабжения, постоянные нападения индейцев и серьёзная болезнь вынудили Мендосу уже в следующем году отплыть в Испанию, но до пиренейских берегов он не доехал, расставшись с жизнью во время перехода через Атлантику.

Несколько месяцев после отъезда Мендосы два его заместителя, оставленных им в Буэнос-Айресе, Хуан де Айолас и Доминго де Ирала, решили сами попытаться обнаружить прославленные богатства новых земель и отправились в длительную и опасную экспедицию на расстояние свыше 1500 км от своей базы вверх по Ла-Плате и затем по реке Парагвай. Весь отряд Айоласа пропал без вести во время этого труднейшего похода, а Ирала сумел добраться до слияния Парагвая с ещё одной крупной рекой – Пилкомайо, где основал город Асунсьон, что по-испански значит «Успение». По сравнению с голодными условиями и враждебным окружением воинственных индейцев в Буэнос-Айресе Асунсьон имел тогда немало преимуществ, что и побудило немногих оставшихся в городе Доброго Ветра поселенцев перебраться в более привлекательное и надёжное «Успение». В течение целого ряда последующих десятилетий Асунсьон выполнял роль главной базы в завоевании и заселении северных областей сегодняшней Аргентины. Сам Буэнос-Айрес был возвращён к жизни в 1580 году, когда Хуан де Гарай привёз туда часть колонистов из Асунсьона.

Будущая столица Аргентины, как и все северные области этой страны, долгое время не получали переселенцев из самой Испании и росла в основном за счёт мигрантов из окружающих их территорий в Чили, Перу и Парагвае. Это объяснялось отсутствием таких крупных богатств и полезных ископаемых, какими к себе притягивали Мексика и Перу, относительно низкой плотностью населения индейцев, которых можно было бы использовать в качестве бесплатной рабочей силы, а также запретом на прямую торговлю с Испанией – главного потребителя продуктов колоний. Поэтому неудивительно, что к концу первой четверти XVIII века население Буэнос-Айреса всё ещё не превышало 2200 человек.

Вплоть до 1776 года Аргентина оставалась полузаброшенной провинцией вице-королевства Перу, но после учреждения в том же году нового вице-королевства Ла-Плата, включившего территории сегодняшних Аргентины, Парагвая, Уругвая и южной части Боливии, со столицей в Буэнос-Айресе, начинается её постепенное экономическое развитие, сопровождаемое заметным ростом населения.

Движение за независимость Аргентины, как и в большинстве испанских колоний, было ускорено захватом их метрополии Наполеоном в 1808 году с последующим изгнанием её правящего короля, место которого занял брат Наполеона Жозеф. В 1810 году в Буэнос-Айресе было создано автономное правительство для управления вице-королевством Ла-Плата от имени изгнанного короля до реставрации его власти, что было скорее актом лояльности к прежнему режиму, а не декларацией независимости. Однако после реставрации королевского правления действия короны в Аргентине вызвали там такое недовольство, что

уже в 1816 году Национальная ассамблея, созванная для рассмотрения сложившихся отношений с Мадридом, объявила страну независимой под названием Объединённые Провинции Рио-де-Ла-Плата.

Однако сторонники королевского режима, особенно в северных областях республики, в течение нескольких лет оказывали ожесточённое сопротивление новой власти, получая сильную поддержку от своих единомышленников в Перу. Решение этой проблемы было найдено выдающимся аргентинским полководцем и освободителем Хосе де Сан-Мартинем, который, совершив исторический переход из города Мендосы через Анды в Чили в 1817 году, помог чилийским патриотам завоевать собственную независимость, а затем, высадившись со своей флотилией на побережье Перу, начал освобождать от испанского правления и это вице-королевство. Это движение было завершено в 1824 году великим венесуэльским освободителем Симоном Боливаром.

Правительство Буэнос-Айреса делало всё возможное для сохранения территориальной целостности бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, но постепенно её крупные составные части стали откалываться в самостоятельные государства, что и привело к созданию Парагвая в 1814, Боливии в 1825 и Уругвая в 1828 году. Даже сама оставшаяся Аргентина вплоть до 80-х годов XIX века неоднократно оказывалась под угрозой внутреннего распада из-за нерешённости вопроса об отношениях Буэнос-Айреса с остальными частями страны. Именно вслед за решением этой трудной национальной проблемы началось её бурное экономическое развитие. Вслед за первоначальным названием страна называлась Аргентинской Республикой, Аргентинской Конфедерацией и затем получила своё сегодняшнее название Аргентинской Республики, ставшей после Первой мировой войны одной из наиболее зажиточных стран Латинской Америки. Как и в большинстве этих стран, в Аргентине законно избранные правительства многократно сменялись военными диктатурами...

Такая очередная диктатура правила этой страной, когда мы с моим другом и коллегой Женей Кочетковым вместе с певцом Рафаэлем и его музыкальной группой на самолёте бразильской компании «Вариг» приземлились в центральном аэропорту столицы Аргентины. Выходя на аргентинскую землю вслед за отправлявшейся на концерт перед уже ревившей толпой группой Рафаэля, мы с Женей совершенно не подозревали, что нас с ним тоже встречали. С двумя встречающими нас в штатском мы неожиданно познакомились при заполнении анкет на въезд перед паспортным контролем. Кстати, кроме нас двоих, такие анкеты больше никто из прибывших не заполнял, так что, когда мы увидели перед собой две незнакомые фигуры, в зале перед пропускными кабинами больше никого не было. Незнакомцы, не представляясь, спросили нас, являемся ли мы носителями фамилий, которые один из них, хотя и искажённо, но узнаваемо произнёс. Мы признались, что это наши фамилии, после чего представители, как было очевидно, соответствующих местных служб придвинули к нашему столу два недалеко стоявших стула и, устроившись перед нами, начали разговор с уточняющих наши личности вопросов. Они спрашивали, откуда и как надолго мы приехали, куда направляемся дальше, где мы живём и работаем, что нас интересует в Буэнос-Айресе, где собирались остановиться и с кем намеревались общаться. Ответив на заданные вопросы, мы заверили представителей властей, что прилетели как туристы всего на пару дней и никаких встреч с местными жителями не планировали.

Выслушав нас, наши собеседники посоветовали нам отказаться от планов посещения города по соображениям нашей безопасности, так как положение в нём было беспокойно, на улицах происходили демонстрации и столкновения разных групп с полицией, и что мы выбрали не очень удачное время для туризма. Звучали они как-то совсем неубедительно, да и нам самим было известно по СМИ, что военные в это время твёрдо контролировали ситуацию в стране. Посоветовавшись, мы спросили, означает ли всё это отказ нам во въезде даже при наличии официальных аргентинских виз, проставленных в наших паспортах ООН.

В ответ нам было сказано, что это лишь дружеский совет, и что если мы всё таки решим вопреки этой рекомендации остаться в Буэнос-Айресе, мы можем это сделать, но при этом проявлять большую осторожность. Ещё раз переговорив между собой, мы решили направиться в город и, поблагодарив наших «опекунов» за их советы, сообщили им о нашем решении. Они встали и, вежливо попрощавшись, направились на выход. Мы в свою очередь подошли к кабине паспортного контроля, предъявили наши документы с заполненными анкетами и прошли в зал получения багажа, где нас уже какое-то время ждали наши чемоданы.

При выходе на улицу из здания терминала аэропорта «Эсейса» мы сразу же услышали ревушие громкоговорители, которые транслировали концерт нашего спутника Рафаэля на всю округу, заполненную десятками тысяч его поклонниц и поклонников, чья массовая оккупация парковочных площадей создала здесь невероятную неразбериху и суету. После нескольких неудачных попыток найти транспорт в город мы наконец вышли на одного таксиста, который и доставил нас с задержками всё из-за того же концерта в нашу гостиницу на улице Флорида неподалёку от Музея президента Митре и главных торговых кварталов города.

Зарегистрировавшись и приведя себя в порядок после перелёта, мы поспешили на прогулку по Буэнос-Айресу, направляясь сначала в исторический центр – главную площадь Пласа-де-Майо, которая оказалась совсем неподалёку. Здесь находится президентский дворец, называемый Розовым домом, старое здание Национального конгресса, мэрия, главный собор и несколько музеев. Дом президента получил своё второе и более популярное название за его розовые стены, цвет которых был выбран после завершения строительства здания в 1882 году тогдашним президентом-просветителем Сармьенто. Этот цвет должен был символизировать единство страны путём слияния красного и белого цвета, которые олицетворяли партийную принадлежность двух главных политических группировок – федералистов и унитариев, соперничество которых потрясло жизнь Аргентины на протяжении большей части XIX века. Известность этого здания непосредственно связана с его балконом, с которого руководители страны, в том числе Перон и его популярная в народе жена Ева, выступали перед жителями города.

Очень привлекательной по архитектуре строений и общему оформлению является центральная Авенида-де-Майо, соединяющая президентский дворец со зданием Национального конгресса. Она всем своим обликом и характером напоминает крупные улицы Парижа, в подражание которому, включая множество вынесенных на тротуары кафе, строились многие кварталы и парки этого, пожалуй, самого европейского города Латинской Америки. Парков, музеев, ресторанов магазинов, театров и кино в Буэнос-Айресе оказалось неожиданно много. Сами музеи, однако, если не считать тех, что посвящены историческому прошлому страны и её президентам, выглядят довольно провинциально и не содержат крупных и интересных коллекций, за исключением собрания французских мастеров XIX века и картин XVI—XVII веков, рассказывающих о завоевании Мексики, в Музее изящных искусств. Но сам факт наличия такого числа подобных учреждений свидетельствует о стремлении властей развивать культуру своего народа и приобщать его к культурным ценностям.

За имевшееся в нашем распоряжении время мы с Женей посмотрели все наиболее интересные места и музеи города, много бродили по его приятным и благоустроенным улицам и паркам, побывали в его богатых и бедных районах, посетили старый и живописный портовый район Ла-Бока и даже поплавали на лодках по каналам пригорода Тигре. Очень удивило обилие звуков музыки танго в главных торговых кварталах, которые там сопровождают посетителя повсюду, поскольку буквально из каждого магазина и лавочки слышится та или другая песня, и чаще всего в исполнении всемирно известного аргентинского певца в этом жанре Карлоса Гарделя, который погиб в авиакатастрофе в Колумбии ещё в 1935 году. Танго уже давно стало предметом национальной гордости Аргентины, но его судьба на соб-

ственной родине складывалась далеко не просто. Эта увлекательная и необычная история заслуживает внимание нашего уважаемого читателя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.